

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ ЭКСПЕДИЦІИ ВЪ ДАРГО.

Въ 1845 году намѣстникъ кавказскій графъ Воронцовъ вознамѣрился предпринять сильную экспедицію, которая бы устранила и потрясла горы. Подобныя экспедиціи дѣлались и прежде, но не доставляли намъ никакой существенной выгоды. Войска двигались большими массами, по мѣстностямъ гористымъ, пересѣченнымъ, въ тущобахъ, непрерывно сражаясь съ горцами, несли большую потерю, занимали съ бою какой-нибудь пунктъ, но тѣмъ и ограничивался успѣхъ: лишь только войска двигались впередъ, какъ на занятой съ трудомъ и потерями мѣстности снова появлялись горцы.

Экспедиціи такого рода имѣли даже вредное вліяніе на край, возвышая нравственный духъ горцевъ, видѣвшихъ, что большія массы войскъ, испытанной храбрости, хорошо вооруженныхъ, отлично обученныхъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, одерживавшія такъ часто славныя побѣды въ Европѣ, почти ничего не могутъ сдѣлать противъ ихъ безпорядочныхъ скопищъ.

На этотъ разъ въ экспедицію назначены были многіе отряды; въ составъ одного изъ нихъ поступилъ и я. Въ отрядѣ этомъ, называвшемся *чеченскимъ* и состоявшемъ подъ командою генерала Лидерса, находились по два баталіона Ірагскаго.

и Люблинскаго и по одному баталіону Литовскаго и Замосцскаго полковъ. Эти шесть баталіоновъ составляли собственно „русскіи войска“, т. е. пришедшія изъ внутренней Россіи, которыя такъ назывались въ отличіе отъ войскъ, постоянно находившихся на Кавказѣ.

Кавказцы смотрѣли на насъ, вновь прибывшихъ, какъ старшіе братья на меньшихъ, неопытныхъ; мы же, напротивъ того, взирали на нихъ со всѣмъ почтеніемъ, которое внушали намъ рассказы о геройскихъ подвигахъ куринцевъ и кабардинцевъ.

Въ составъ нашего отряда входили также и эти закаленные въ бояхъ воины: три первыхъ баталіона Куринскаго и первый и третій баталіоны Кабардинскаго полковъ. Сверхъ того были два баталіона навагинцевъ, также храбрые, но къ которымъ, впрочемъ, мы почему-то не питали такого уваженія, какъ къ кабардинцамъ и куринцамъ.

Вся же сила отряда состояла изъ 12 баталіоновъ пѣхоты, 10 сотенъ казаковъ, болѣе 1.000 человекъ милиціи и 30 орудій.

Отрядъ собрался въ крѣпости *Грозной*, гдѣ нѣкоторое время мы простояли, ожидая, пока соберутся прочіе отряды, и оттуда двинулись далѣе чрезъ крѣпость *Внезапную*.

Отъ Внезапной авангардомъ нашимъ командовалъ Сергій Дмитріевичъ Безобразовъ, на котораго возложено было, минувавъ *Чиръ-Юртъ*, заняться исправленіемъ мостовъ, разрушенныхъ непріателемъ. Въ теченіе ночи, при порывистомъ вѣтрѣ и сильномъ дождѣ, усердіемъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 5-го сапернаго баталіона, всѣ мосты были исправлены, и 1-го іюня мы двинулись черезъ *Мілтлы* въ *Зура-Макендъ*. 2-го числа мы пришли на *Хубарскія* высоты, гдѣ, проходя лѣсомъ, услышали первые три выстрѣла. По странному случаю, всѣ три нанесли вредъ: у насъ было трое раненыхъ, что однако не слѣдуетъ относить къ особенной мѣткости стрѣльбы горцевъ, а единственно къ тому, что они стрѣляли въ колонну.

3-го іюня мы соединились въ *Гертме* съ дагестанскимъ отрядомъ изъ 11-ти баталіоновъ и съ нимъ выйдя перешли страшный *Терениульскій оврагъ*. Оврагъ этотъ составлялъ въ прошломъ году цѣль особой экспедиціи, кончившейся неудачно: войска наши, не перейдя оврага, возвратились. (Я не участвовалъ при ея окончаніи, будучи раненъ на ахатлынской переправѣ.)

Вечеромъ 3-го іюня мы заняли авангардомъ *Буртуний*, приготовляясь къ переходу въ *Гумбетъ*. Изъ Салатавіи въ Гумбетъ ведутъ двѣ дороги: одна, болѣе удобная, чрезъ *Мичикальское* ущелье, а другая чрезъ перевалъ *Кирь-ки*. Первое было сильно занято горцами, ожидавшими, что мы направимся чрезъ это ущелье; перевалъ же *Кирь-ки* считался до того непроходимымъ, что на него обринуто было непріателемъ весьма мало вниманія. (Ошибка, въ которую весьма часто впадаютъ.)

Графъ Воронцовъ открылъ дѣйствія рекогносцировкой на *Кирь-ки*, составивъ для сего отрядъ, подъ командою генерала Пассека, изъ первыхъ баталіоновъ всѣхъ полковъ. Такой составъ отряду былъ данъ для того, чтобы, не обижая другихъ генераловъ, можно было дать командованіе имъ Пассеку; молодому генералу, недавно прибывшему на этотъ флангъ изъ *Темиръ-Ханъ-Шуры*, но которому предшествовала пріобрѣтенная уже имъ громкая извѣстность. Я присоединился также къ свитѣ, отправлявшейся на рекогносцировку. Пока шли къ перевалу, мѣстность возвышалась незамѣтно въ гору; дойдя къ самому обрыву перевала, мы увидали предъ собою крутой какъ стѣна обрывъ, сажени въ двѣ глубиной; дальше мѣстность шла нѣсколько положе. Далеко, въ самомъ низу, извивалась довольно узкая долина, на которой виднѣлось, какъ бы начерченное на планѣ, укрѣпленіе: это было укрѣпленіе *Удачное*, построенное генераломъ Граббе въ 1838 году, но въ послѣдствіи оставленное. За долиной подымалась опять гора *Анчимертъ*, съ покатостію градусовъ въ 45 и длиною около полуторы версты, занятая непріателемъ, впрочемъ сначала въ весьма незначительныхъ силахъ.

Графъ Воронцовъ и прежде предполагалъ, что рекогносцировка *Кирь-ки* можетъ легко обратиться въ дѣйствительную атаку. Подъѣхавъ къ спуску и видя, какъ слабо занята гора непріателемъ, онъ тотчасъ же послалъ войскамъ приказаніе прибавить шагъ. Крутизна обрыва была нѣсколько разрабатана, и войска, принимая другъ друга на руки, быстро начали спускаться въ долину.

Въ это время подъѣхалъ къ намъ Пассекъ. Это была не первая моя съ нимъ встрѣча. Въстѣ съ нимъ я слушалъ курсъ въ военной академіи, куда онъ вступилъ прямо въ практическое отдѣленіе, и хорошо зналъ его. Отличительной чертой Пассека было то, что онъ не могъ идти наравнѣ съ други-

ми, а непременно хотѣлъ быть впередъ. Способности у него были необыкновенныя, память изумительная, сила нравственная и физическая, молодцоватость и наконецъ даръ слова, которымъ онъ часто даже злоупотреблялъ, очень любя спорить. Находясь въ академіи, онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Вранкеномъ, который тоже былъ охотникъ поспорить. Однажды я былъ свидѣтелемъ одного изъ часто повторявшихся между ними споровъ. Послѣ долгихъ преній, Вранкенъ, не отличавшійся здоровьемъ, обратился къ Пассеку и сказалъ: „Я хотя не согласенъ съ тобой, но не могу продолжать спорить, потому что у меня слаба грудь.“ — „А если у тебя слаба грудь, такъ не спорь“, отвѣчалъ Пассекъ. Впрочемъ, мы съ нимъ и на Кавказѣ уже не въ первый разъ встрѣчались: въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ я оказалъ ему разъ услугу, указавъ мѣсто на разводѣ, такъ какъ онъ былъ не силенъ въ уставѣ.

Я подѣхалъ къ Пассеку, смотрѣвшему нетерпѣливо на спускъ войскъ въ долину.

— Желаю вамъ успѣха — сказалъ я ему — вы столько ихъ имѣли, что въ исполненіи моего желанія нѣтъ причинъ сомнѣваться.

— Всегда вамъ одно скажу — отвѣчалъ онъ — отчего не пріѣхали раньше на Кавказъ? Вездѣ своего рода успѣхи: въ Крыму свои, на Кавказѣ свои.

Говоря объ успѣхахъ въ Крыму, онъ не думалъ о пророческомъ смыслѣ своихъ словъ, а намекалъ на успѣхи другого рода.

Между тѣмъ, войска окончательно спустились въ долину. Пока они устраивались, мы размѣстились на двухъ скамейкахъ, образованныхъ странной игрой природы на площадкѣ, гдѣ мы стояли, вынули бинокли и приготовились смотрѣть на драму, которая должна была разыгратъ въблизи. Въ эту минуту мы были похожи на римлянъ, смотрящихъ на бой гладиаторовъ; къ тому же скамейки расположены были амфитеатромъ, что еще болѣе довершало сходство.

Спустившіяся въ долину войска начинали выстраиваться и приготовляться къ атакѣ. Впереди шли куринцы, принадлежавшіе къ бригадѣ Пассека, которой онъ почти еще не видалъ, только что пріѣхавъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, гдѣ командовалъ Апшеронскимъ полкомъ: это было его первое ближайшее знакомство съ бригадой, когда она выстроилась вни-

зу. Онъ подскакалъ къ курницамъ, окруженный блестящей свитой; сзади его развѣвался значекъ его, бѣлый съ серебрянымъ крестомъ. „За счастье сочту быть курницей. Примите меня въ свой полкъ“, обратился онъ къ нимъ. Въ отвѣтъ раздалось громкое „ура!“ и полетѣли на воздухъ шапки. Воодушевленные привѣтомъ, стройно пошли куринцы въ атаку на высоту; впереди ихъ разсыпалась грузинская милиція. Сначала куринцы двинулись сомкнутымъ строемъ, но потомъ разомкнулись, такъ какъ покатость горы была весьма крута. Третьимъ баталіономъ куринцевъ командовалъ графъ Бенкендорфъ, получившій за это дѣло георгіевскій крестъ. Между тѣмъ, пока войска наши спускались и устроивались, горцы, поздно понявъ свою оплошность, поспѣшили передвинуться съ Мичикала и занять высоту. На ней они поставили три орудія, не наносившія, впрочемъ, вреда атакующимъ колоннамъ, по причинѣ крутаго склона высоты, и стрѣлявшія все время чрезъ головы. Когда войска дошли до вершины покатости, горцы пытались остановить наступленіе ударомъ въ шашки; но дружный натискъ въ штыки куринцевъ и обходное движеніе съ фланговъ апшеронцевъ и житомирцевъ рѣшили дѣло: горцы поспѣшно отступили, боясь быть отрѣзанными.

Между зрителями, смотрѣвшими на бой съ нашей площадки, нашлись шутники, которые называли это дѣло *bataille Alchimere* (en chimère), намекая на то, что побѣда досталась намъ безъ большаго труда.

Предоставляя судить кому какъ угодно о достоинствѣ каламбура, нельзя не сказать, что дѣло было вовсе не такъ легко, какъ казалось. Войска наши шли въ гору почти на протяженіи полуторы версты, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, а въ моментъ самой схватки на сторонѣ непріятеля было преимущество удара сверху внизъ; притомъ же къ концу боя горцы успѣли стянуть на этотъ пунктъ до 2,000 человекъ.

Поднявшись на гору Анчимеръ, Пассекъ далъ отряду немного только вздохнуть и собрался и сейчасъ же продолжалъ движеніе впередъ. Мѣста, гдѣ онъ теперь двигался, были совершенно незнакомы русскимъ, которые до сихъ поръ никогда здѣсь не бывали; плановъ и картъ этой мѣстности у Пассека также не было, и потому отъ его предусмотрительности вполнѣ зависѣлъ весь успѣхъ экспедиціи. Съ свойственнымъ ему военнымъ тактомъ, Пассекъ тотчасъ занялъ самую высшую

точку мѣстности, позицію, которая обезпечивала переходъ остальныхъ войскъ, обезопасивала нашъ авангардъ отъ обхода горцевъ, отлично умѣющихъ ориентироваться въ горахъ и пользоваться мѣстностію, и давала намъ полную возможность наблюдать всю окрестность и всѣ движенія непріятеля. Но избранная, на основаніи такихъ стратегическихъ соображеній, позиція представляла одну важную невыгоду: гора, на которой она находилась, была столь возвышена, что на ней уже не росло лѣсу, и войска ночью не имѣли возможности раскладывать костры.

Въ этой позиціи горцы снова пытались атаковать Пассека, но были отбиты съ урономъ. Между тѣмъ, въ ночь на 8-е число, температура вдругъ чрезвычайно понизилась, пошелъ сильный дождь, который развелъ землю; потомъ дождь превратился въ снѣгъ, а къ утру—сильный морозъ.

Отъ столь внезапной перемены температуры, которой никакъ нельзя было ожидать въ юнѣ мѣсяцѣ, въ особенности пострадалъ отрядъ Пассека, который долженъ былъ оставаться въ занятой имъ, съ тылу Мичикала, позиціи до 12-го числа, пока прочія войска отряда, по причинѣ обозовъ и артиллеріи не могли подняться въ томъ мѣстѣ, гдѣ поднялся передовой отрядъ; достигнуть Мичикальскаго ущелья, уже очищеннаго горцами. Такимъ образомъ, отрядъ оставался на возвышенной безлѣсной мѣстности почти пять дней, страдая отъ холода и отчасти отъ голода: солдатамъ уже раздавалось только по полу-порціи сухарей въ день.

Люди, измученные днемъ устройствомъ заваловъ изъ камней, всю ночь стояли въ ружьѣ, ожидая нападенія непріятеля, и, не имѣя возможности раскладывать костры, чтобъ согрѣться, они вырывали ямы, въ которыя ложились по три человѣка одинъ на другаго. Результатомъ всего этого, къ несчастію, было то, что у 200 человѣкъ въ отрядѣ были отморожены ноги. Солдаты, съ свойственною имъ мѣткостью выраженій, называли позицію Пассека *холодной* горою.

Большая убыль отъ холода, понесенная Пассекомъ, была причиною многихъ порицаній его дѣйствій. Завистники, которыхъ непремѣнно имѣетъ всякій талантливый человѣкъ, говорили, что „Пассекъ занесся“; но его нельзя признать виноватымъ: по зрѣломъ обсужденіи и соображеніи всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ былъ поставленъ Пассекъ, трудно не

согласиться, что избрать другую позицію онъ не имѣлъ возможности.

Между тѣмъ, подъ прикрытіемъ отряда Пассека, прочія войска отряда 7-го числа спустились въ долину, въ укрѣпленіе *Удачное*. Раскинули палатки тѣ, кто имѣлъ ихъ; но, проснувшись на другое утро, съ трудомъ могли отдернуть полы: такъ много въ теченіе ночи выпало снѣгу.

Въ Удачномъ оставлены были небольшой отрядъ, для обезпеченія пути нашихъ сообщеній, и вся полевая артиллерія, кромѣ 4 или 6 орудій, такъ какъ она много затрудняла отрядъ въ его движеніяхъ. 10-го числа мы выступили изъ Удачнаго и по адской дорогѣ тронулись на Мичикалъ. Дорога шла по полу-горѣ; справа была пропасть, слѣва гора; углубленная дорога до того была наполнена грязью, что лошади вязли по брюхо. Тутъ мы увидѣли, какъ трудно было бы пройти черезъ горы, если бы избранъ былъ путь на Мичикалъ. Горцы, приготовляясь защищать этотъ путь, вездѣ по дорогѣ подѣлали завалы, что еще больше затрудняло теперь наше движеніе. При такомъ состояніи дороги, отрядъ могъ двигаться только въ одинъ конь и долженъ былъ употребить цѣлые два дня, чтобъ достигнуть Мичикала.

Отъ мичикальской позиціи мы двинулись по направленію къ Андіи. Всѣмъ казалось, что это цѣль нашего похода. Говорили, что Андія очень изобильный край, и полагали, что его весьма выгодно будетъ отнять у Шамиля и присоединить къ Россіи; солдаты же говорили, что мы идемъ въ Индію, и украшали свои рассказы всѣми чудесами „Тысячи и Одной Ночи“. Предъ входомъ въ Андію мы провели ночь на горѣ, которую солдаты называли *Витрянною*. Она имѣла форму конуса и стояла посреди многихъ ущелій, изъ которыхъ непремѣнно откуда-нибудь вырывался вѣтеръ во все время нашей стоянки, и до того сильный, что мы всю ночь едва могли удерживать палатки.

Мы слышали до этихъ поръ, что въ Андію нельзя войти иначе, какъ черезъ *Андійскія ворота*, но не могли себѣ составить точной идеи, что значать эти ворота. Сдѣлана была по направленію къ нимъ рекогносцировка: оказалось, что Шамиль думалъ ихъ защищать, но оставилъ; они были завалены камнями.

Андійскими воротами называется узкій и неглубокій раз-

рыть въ горахъ, окружающихъ Андію. Когда мы подошли къ нимъ, было туманно; когда же туманъ разсѣялся, Андія вдругъ вся открылась передъ нашими глазами. Это огромная котловина, окруженная со всѣхъ сторонъ зубчатыми, утесистыми, величественными горами, которыя спускаются къ долинамъ крутыми терасами.

Можно предполагать съ большою вѣроятностію, что терасы эти были сдѣланы искусственно, съ цѣлію обработки на нихъ полей. Съ возвышенной точки, гдѣ мы находились, были ясно видны семь пылающихъ деревень, что привело къ заключенію, что Шамиль оставилъ Андію, но пытался защищаться, и что деревни зажжены по его приказанію.

Отрядъ быстро двинулся внизъ, по направленію къ деревнямъ *Гогатъ* и *Андіи*. На этотъ день я былъ назначенъ въ авангардъ чеченскаго отряда и находился при генералѣ Фокѣ. Главнымъ авангардомъ командовалъ генералъ Клюки. Слышимъ впереди перестрѣлку — скачемъ на возвышеніе и видимъ противоположную гору Азалъ, чернѣющую отъ непріятеля: „Завязалось дѣло“, сказалъ я Фокѣ. — „Гдѣ?“ — И пока онъ слѣзалъ съ лошади и вынималъ зрительную трубу, я далъ лошади нагайку и очутился въ аулѣ Андін, у самыхъ послѣднихъ саклей, построенныхъ на обрывѣ рѣчки Годоръ. За саклями стояли роты куришцевъ, а между ними батарея изъ крѣпостныхъ ружей, которая производила огонь на противоположную сторону. Но когда я вглядѣлся туда, то увидѣлъ на скатѣ горы весьма небольшую черную линію нашихъ войскъ: это были наши дивъ роты кабардинцевъ, которыя, выбивъ непріятеля изъ с. Андін, пробѣжали, преслѣдуя его, на другую сторону рѣчки и засѣли за скалы. Позиція Шамиля господствовали надъ кабардинцами. Массы непріятеля приближались къ небольшой горсти храбрецовъ, въ томъ порядкѣ, какимъ горцы двигаются обыкновенно, когда намѣрены сдѣлать рѣшительный натискъ. Для этого храбрѣйшій изъ толпы схватываетъ значекъ, отбѣгаетъ съ нимъ на сотню шаговъ впередъ и втыкаетъ его въ землю; тотчасъ всѣ принадлежащіе къ отряду этого значка бѣгутъ къ нему и окружаютъ его. Другой горецъ повторяетъ тотъ же маневръ, и такимъ образомъ передвигается вся масса непріятельскаго отряда.

Я отыскалъ командира Кабардинскаго полка, полковника Козловскаго, и явился въ его распоряженіе. Видя офицера ге-

перальнаго штаба, онъ сказалъ мнѣ: „такому гостю очень радъ“.

Несмотря на то, что все вниманіе его было устремлено на другую сторону рѣчки, гдѣ разыгрывалась кровавая драма, уже близкая къ развязкѣ, онъ однако успѣлъ мнѣ разсказать, что полковникъ князь Барятинскій, выбивъ горцевъ изъ аула, преслѣдовалъ ихъ въ гору и теперь находится въ незавидномъ положеніи.

— Или нѣ завидномъ, возразилъ я.

— „Какъ хотите. Чему тутъ завидовать!“

— Вы не полагаете, полковникъ, идти къ нему на помощь?

— „Скорѣ вы очень, молодой человекъ! Надо видѣть, выдержатъ ли они натискъ; если не выдержатъ да мы пойдемъ въ это время, они и насъ опрокинутъ. Видите, какъ папираютъ.“

— Позвольте мнѣ переѣхать къ этимъ ротамъ.

— „Нѣтъ ужъ, братецъ, отправимся вмѣстѣ.“ (Съ той минуты онъ началъ мнѣ говорить *мы*.)

Онъ велѣлъ идти за нами двумъ ротамъ; между тѣмъ, роты князя Барятинскаго выдержали отчаянный натискъ. Горцы нѣсколько разъ бросались въ шашки; но роты встрѣчали и отбивали ихъ штыками безъ выстрѣла. На правомъ флангѣ князя Барятинскаго находилась грузинская милиція и дралась въ рукопашную. Знамя переходило изъ рукъ въ руки, однако окончательно осталось у грузиновъ. На лѣвомъ же крылѣ перестрѣлку вели спѣшенные казаки. Эти двѣ части много содѣйствовали успѣху дѣла.

Подъ сильнымъ огнемъ непріятеля мы поднялись вслѣдъ за княземъ Барятинскимъ на гору; въ то же время подымались на гору: справа—милиція, а слѣва—двѣ роты любимцевъ, посланные генераломъ Лидерсомъ поддерживать линейныхъ казаковъ. Шамилъ, не дождавшись натиска, бѣжалъ. И какъ было ему не бѣжать: противъ него были три славы: одна уже историческая—графъ Воронцовъ, другая настоящая—Лидерсъ, а третья—при самомъ началѣ своего полета—князь Барятинскій!

Между тѣмъ, мимо насъ пронесли тѣло поручика Маевского, командовавшего одною изъ двухъ ротъ князя Барятинскаго: онъ былъ присланъ на Кавказъ по какой-то исторіи и подавалъ большія надежды. Раненый пулею, онъ продолжалъ идти впередъ; вторая пуля положила его на мѣстѣ.

Князь Барятинскій также былъ раненъ, но не хотѣлъ оста-

вить дѣла, и только настоятельныя подтвержденія начальника штаба заставили его согласиться отправиться на перевязку,

Когда проносили мимо графа Воронцова раненыхъ кабардинцевъ и когда онъ, по своему обыкновенію, снималъ передъ ними фуражку, они спрашивали: „что, ваше сіятельство, стоимъ куринцевъ?“ намекая на атаку Мичикала.

Въ это время подошелъ весь отрядъ. Многіе бросились безъ дорогъ въ гору, чтобы выбить горцевъ, бросавшихъ сверху камни, однимъ изъ которыхъ былъ ушибенъ Лидерсъ. Мы же съ Козловскимъ гнались по дорогѣ за ѣхавшимъ впереди непріятельскимъ орудіемъ, какъ теперь помню, на шести сѣрыхъ лошадяхъ; но и горцы и мы одинаково утомились крутымъ подъемомъ: они не могли, несмотря на всѣ усилія, спастись, мы же никакъ не могли догнать ихъ, хотя были отъ нихъ въ весьма близкомъ разстояніи. Когда же наконецъ достигли мы площадки, на которой легче было нагнать и взять орудіе, вдругъ спустилось облако, и горцы, пользуясь густымъ туманомъ, успѣли скрыться.

— „Я позабылъ спросить фамилію“, обратился ко мнѣ Козловскій.

Я ему сказалъ.

— „Нѣмецкая?“

— Нѣмецкая.

Этотъ вопросъ онъ повторялъ нѣсколько разъ, и, казалось, по разсѣянности, но въ сущности изучая фамилію.

Взвѣзжаетъ къ намъ графъ Воронцовъ, благодарить Козловскаго. Тотъ ему отвѣчаетъ: „А вотъ офицеръ генеральнаго штаба—фамиліи его не упомяну—явился самъ въ авангардъ и былъ мнѣ очень полезенъ“.

Графъ кивнулъ головой, съ улыбкой, которая его никогда не оставляла, когда онъ былъ передъ войсками.

За нимъ взвѣхалъ начальникъ штаба, генералъ Гурко—та же рѣчь и то же забвеніе фамиліи; за нимъ генералъ ** — то же самое, и тотъ же поклонъ; за ними подковникъ М*, начальникъ штаба чеченскаго отряда: этотъ не нашелъ ничего лучшаго, мнѣ сказать, какъ: „а зачѣмъ вы были въ главномъ авангардѣ, когда вамъ слѣдовало быть въ авангардѣ чеченскаго отряда?“ Наконецъ появился Лидерсъ. „Ваше высокопревосходительство—опять началъ Козловскій—вотъ офицеръ генеральнаго штаба, фамиліи котораго не упомяну, явился ко мнѣ во время дѣла и

былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ.“ Генераль Лидерсъ подалъ мнѣ руку и сказалъ Козловскому: „Я помню фамилію и знаю этого офицера. Вашъ отзывъ меня нимаю не удивляетъ. Если вы находите достойнымъ, то прошу васъ представить его къ награждѣ.“ Безъ сомнѣнія, эти слова были самою лестною для меня наградою.

— „Что ты хочешь?“ сказалъ мнѣ Козловскій по уходѣ Лидерса.

— Я имѣю Анну 3-й степени съ бантомъ.

— „Тогда слѣдуетъ Владиміра. Офицеръ генеральнаго штаба написать реляцію съумѣетъ. Наше такое кавказское правило: сдѣлай хорошо, а напиши еще лучше.“

Я попросилъ написать реляцію Михаила Ивановича Даргана и вслѣдствіе ея получилъ 1-го іюля орденъ святаго Владиміра.

Спустившись съ горы въ Гогатль, гдѣ мы расположились лагеремъ, я пошелъ освѣдомиться о здоровьи генерала Лидерса. Онъ не хотѣлъ и говорить объ ушибѣ, просилъ, чтобы объ этомъ и не писали, а между прочимъ велѣлъ подать шампанскаго. Когда бокалы наполнились, Аммосовъ запѣлъ:

Нашъ храбрый генераль,
Прогнавъ черкесъ къ шайтану,
Шампанскаго намъ днѣ
По полному стакану.
Ура, ура!
Чеченскій нашъ отрядъ
Ура!

Все, что происходило болѣе замѣчательнаго въ отрядѣ, рисовалось графомъ Бальменомъ и воспѣвалось Аммосовымъ, который имѣлъ неоспоримый талантъ писать стихами *riécés des circonstances*. Онъ постоянно отличался отвагою и неподдѣльною веселостію, при самыхъ критическихъ положеніяхъ отряда.

Прогнавъ горцевъ, отрядъ расположился лагеремъ между селеніями Андіей и Гогатлемъ: штабъ генерала Лидерса на верху горы, штабъ графа Воронцова у подошвы. Это распоряженіе памятно въ отношеніи продовольствія. По трудности дорогъ и недостаточности подножнаго корма, транспорты неминуемо ослабѣвали и привозили весьма ограниченное число припасовъ. Нѣкоторые полки не имѣли по два дня, а другіе и по четыре дня сухарей, несмотря на то, что, по предусмотрительности, съ нѣкотораго времени, дача была уже уменьшена.

Начали дѣлать овсянку. Само по себѣ разумѣется, что солдаты и ѣли и голодали безропотно. Я жилъ въ одной палаткѣ съ А. А. Непокойчицкимъ. Мы не терпѣли нужды: чаю было еще довольно; съ нами были и самоваръ, и чайникъ, и чашки—рѣдкость, на которую приходили глядѣть: обыкновенно всѣ приготавливали чай вскипятивъ воду въ мѣдномъ чайникѣ, необходимомъ спутникѣ походнаго офицера.

За то запасъ сахара истощался. Придетъ бывало транспортъ, остановится у нашихъ ногъ въ главномъ штабѣ, и мы слышимъ возгласъ: „сахаръ на четыре части: одну графу Воронцову, другую принцу Гессенскому, третью генералу Лидерсу, четвертую генералу Гурко“. Впрочемъ, можно было купить сахаръ по 3 р. сер. за фунтъ. Хотя и дорого, а покупали.

Въ ожиданіи прибытія транспорта, который позволилъ бы намъ продолжать движеніе къ настоящей цѣли дѣйствій, къ овладѣнію столицей Шамили — *Дарю*, мы поневолѣ оставались на мѣстѣ.

Для распоряженія о скорѣйшей высылкѣ продовольствія былъ отправленъ начальникъ войскъ въ Дагестанѣ, князь Бебутовъ. Дагестанскій отрядъ, которымъ онъ командовалъ, присоединенъ къ чеченскому и поступилъ подъ команду генерала Лидерса, подъ названіемъ *главнаго дѣйствующаго отряда*.

Въ продолженіе нашего пребыванія въ Андіи, мы видѣли часто непріятельскія партіи; особенно въ большемъ числѣ онѣ показались 18-го іюня. Онѣ тянулись по вершинѣ горы *Азала* съ большимъ количествомъ значковъ, при чемъ были видны залпы изъ ружей. Это показывало, что горцы собираются: залпы знаменовали приходъ и встрѣчу. Чтобы не позволить имъ подходить близко къ лагерю, главнокомандующій, оставивъ небольшое прикрытіе на мѣстѣ нашего расположенія, двинулся въ горы правѣ Азала. Кавалерія, подъ начальствомъ генерала Безобразова, не могла быстро атаковать непріятельскія толпы, потому что лошади ихъ были сыты и свѣжи, наши же, отъ недостатка подножнаго корма, доведены до крайняго изнуренія. По этой причинѣ движеніе не имѣло и не могло имѣть предполагаемаго успѣха. Дойдя до границъ *Техиуцала*, мы переночевали на весьма высокихъ горахъ, покрытыхъ большимъ числомъ озеръ, прозрачныхъ какъ стекло. Озера называются „форельными“, потому что, какъ говорятъ, они изобилуютъ этой рыбой; но намъ не удалось ее отвѣдать. Однако

слышно было, что ею лакомился штабъ князя Воронцова и что остряки прозвали это неудачное движеніе: *l'expédition des truites* (*détruite*).

30-го іюня и 2-го іюля мы двигались по направленію къ Дарго, чтобы познакомиться съ ведущими туда дорогами. Этими движеніями мы какъ бы подтвердили непріятелю намѣреніе наше идти въ Дарго. Въ продолженіе 22 дней, которые мы оставались на позиціи, я почти каждый день былъ назначаемо съ отрядомъ на фуражировки. Въ нихъ я участвовалъ и 1-го іюля, когда графъ Воронцовъ раздавалъ георгиевскіе кресты, послѣ молебна по случаю рожденія государыни императрицы Александры Ѳеодоровны. Говорятъ, что молебенъ, acompанируемый нашей перестрѣлкой, былъ чрезвычайно оригиналенъ.

Разъ, выѣхавъ рано на фуражировку, я нашелъ двѣ бритыя головы съ привязанными къ нимъ ярлыками, съ надписью на татарскомъ языкѣ: „такъ наказываются приверженцы русскаго правительства“.

Ночью горцы стрѣляли по нашимъ палаткамъ, не причиняя, впрочемъ, вреда, а только пугая нашу прислугу. Однажды вечеромъ, когда Непокойницкій велѣлъ своему слугѣ вынести свѣчку, раздался залпъ, и слуга упалъ между нашихъ кроватей.

— Что ты убить?

— Нѣтъ.

— Раненъ?

— Нѣтъ.

— Что же ты лежишь?

— Испужался....

5-го числа, по прибытіи ожидаемаго транспорта, было рѣшено, что 6-го, рано по утру, отрядъ двинется въ Дарго. Не заботясь о завтрашнемъ днѣ, мы проводили 5-е число какъ и всѣ дни. Я игралъ съ полковникомъ Левисономъ въ преферансъ. Подлѣ, въ палаткѣ, балагурилъ Аммосовъ, предсказывая Петидобисону, личному адъютанту кого-то изъ генераловъ, что его убьютъ. Всѣ пророчества свои о завтрашнемъ днѣ онъ оканчивалъ приговоркой: „А завтра Петидобисона убьютъ“.

Тогда Левисонъ вслѣдъ разъ мнѣ говорилъ: „Я знаю, что Аммосовъ говоритъ: Петидобисона убьютъ; но мнѣ такъ и слышится, что Левисона убьютъ!“ Счастье ему необыкновенно благопріятствовало, такъ что копѣйка въ копѣйку онъ оты-

гралъ все, что проигралъ мнѣ во все время похода. „Дурной знакъ“, замѣтилъ онъ.

Оставивъ въ Гогатлѣ пять ротъ Прагскаго пѣхотнаго полка, съ 3 орудіями, подъ командою подполковника Бельгарда, весь отрядъ, 6-го іюля, въ 4 часа утра, двинулся къ Дарго, а въ 3 часа одинъ изъ мирныхъ горцевъ, находившійся при графѣ Воронцовѣ, укравъ у него любимую лошадь, ускакалъ, чтобы дать знать Шамилю о нашемъ движеніи.

Мы прошли часа четыре по дорогѣ, съ которою уже познакомились на рекогносцировкѣ, и въ 9 часовъ утра достигли лѣса, гдѣ начинался спускъ и дефиле по гребню горы *Речель*.

Мы оставляли мѣста, гдѣ бывали часто выше облаковъ и видѣли подъ ногами своими грозу, а теперь спускались въ долины Ичкеріи, и мѣстность какъ панорама разстилась предъ глазами до Терека; далѣе была видна Россія. Многіе изъ насъ смотрѣли на нее въ послѣдній разъ.

Здѣсь отряду велѣно было отдохнуть, сварить кашу и черезъ четыре часа атаковать. Отрядъ, готовый вступить въ Дарго, былъ распредѣленъ: авангардъ подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго, правая цѣпь подъ начальствомъ полковника Меллера-Закомельскаго, лѣвая цѣпь — полковника Козловскаго, главныя силы — генерала Клюки-фонъ-Клюгенау, арьергардъ — генерала Лабинцева, кавалерія — подъ начальствомъ генерала Безобразова. Всего въ отрядѣ было: 8,000 человѣкъ пѣхоты, 1,200 человѣкъ конницы и 350 человѣкъ артиллеристовъ, при 2 легкихъ и 14 горныхъ орудіяхъ. Честь идти въ головѣ всего отряда, брать завалы, которые, какъ мы слышали, были на каждой полуверстѣ, по особой просьбѣ генерала Лидерса, была предоставлена первому баталіону Литовскаго полка. Причину этого назначенія было слѣдующее обстоятельство: когда отрядъ стоялъ въ лагерѣ при Гогатлѣ, то всякій день очередная рота ходила за полученіемъ спирта, который былъ оставленъ въ отрядѣ, прикрывавшемъ Андійскія ворота (житомирцы), въ шести или семи верстахъ отъ лагеря. Дорога къ Андійскимъ воротамъ подымалась въ гору, между огромными камнями. Горцы залегали за эти камни и беспокоили идущихъ. Такъ и 21-го числа, одна рота 1-го баталіона Литовскаго полка, возвращаясь со спиртомъ, была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за камней, гдѣ засѣли человѣкъ 50 горцевъ. Ротный командиръ остался у воротъ, чтобы расписаться въ квитанціи. При

ротъ находился одинъ молодой прапорщикъ. Онъ велѣлъ ротѣ идти скорѣе. Фельдфебель рѣшилъ ему замѣтить, что слѣдовало бы сначала выбить горцевъ изъ-за камней, а скорая ходьба къ добру не поведетъ. Слово за слово, прапорщикъ ударилъ фельдфебеля за возраженіе и приказалъ ротѣ прибавить шагъ. Отъ насъ дорога была видна вся какъ на ладони: мы съ ужасомъ увидѣли, что наша рота бѣжитъ. Пока мы приказали сѣдлать лошадей, рота уже прибѣжала. Правда, полковникъ Левисонъ успѣлъ приостановить ее. Онъ еще болѣе другихъ принялъ это къ сердцу, такъ какъ былъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ 13-й дивизіи. Ротный командиръ, который, услышавъ перестрѣлку, поскакалъ догонять роту, былъ убитъ, а въ ротѣ человѣкъ 5 или 6 — переранены. Прапорщикъ былъ отданъ подъ военный судъ и приговоренъ за трусость къ разстрѣлію; но графъ Воронцовъ, при конфирмаціи дѣла, судилъ иначе: „Какъ я — говорилъ онъ — не виноватъ, что я храбръ, такъ и онъ не виноватъ, что онъ трусъ; это чувство врожденное: онъ не успѣлъ еще себя попробовать“, а потому присудилъ: уволить отъ службы, съ тѣмъ, чтобы въ военную службу не опредѣлять и выслать изъ арміи, съ лишеніемъ права пріѣзжать на Кавказъ. Литовскій баталіонъ долженъ былъ смыть это невольное пятно и, сверхъ того, пріобрѣсть знамя, которое онъ потерялъ въ польскую кампанію.

Въ часъ пополудни приказано было вставать и начать атаку. Генералъ Лидерсъ подошелъ къ Литовскому баталіону и сказалъ ему нѣсколько краткихъ словъ, которыя нашли дорогу въ душу солдата. Литовцы подняли ружья, потрясли ихъ надъ головами и обѣщались доказать, что, по исключеніи вышепомнятаго прапорщика, между ними нѣтъ уже болѣе трусовъ.

Чтобы помочь фронтальной атакѣ, надо было занять выдающуюся къ намъ правую опушку лѣса, что исполнилъ 3-й баталіонъ куринцевъ, подъ командой графа Бенкендорфа и генерала Лидерса.

Это была прелюдія боя.

Литовскій баталіонъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ приказанія двинуться впередъ. По данному приказанію, онъ быстро бросился въ лѣсъ, имѣя впереди себя въ три шеренги офицеровъ и юнкеровъ, какъ своихъ, такъ и штабныхъ, и овладѣлъ первымъ заваломъ безъ выстрѣла. Недолго думая, литовцы бросились на второй завалъ. Тутъ былъ убитъ храбрый полков-

никъ генеральнаго штаба Левисонъ, веднѣй голову колонны. Предчувствіе его не обмануло! Онъ умеръ на рукахъ состоявшаго при принцѣ Гессенскомъ князя Витгенштейна и, по его разсказамъ, говорилъ ему что - то по-русски, чего онъ не понималъ.

Тутъ же былъ раненъ юнкеръ Аммосовъ въ щекъ пулею, часть которой и теперь у него находится подъ глазомъ.

Какъ теперь его помню: все лицо въ крови и весело представляющаго пьянаго (что онъ умѣлъ въ совершенствѣ), голова: „въ охотники больше не желаю!“ Вскорѣ были ранены: полковникъ Семеновъ, командовавшій пѣхотою авангарда, адъютантъ главнокомандующаго поручикъ князь Дундуковъ-Корсаковъ (бывшій начальникъ штаба войска Донскаго) и командиръ баталіона литовцевъ майоръ Степановъ. Генералъ Лидерсъ посылалъ нѣсколько разъ приказаніе, чтобы авангардъ остановился и далъ время втянуться въ дефиле прочимъ частямъ, чего генералъ Вѣлявскій достигъ только на пятомъ завалѣ: такъ велики были пылкость и быстрота атаки литовцевъ. Но и здѣсь, теряя людей отъ выстрѣловъ изъ слѣдующаго завала, онъ овладѣлъ и шестымъ заваломъ: Сзади литовцевъ шли саперы 5-го сапернаго баталіона и, раскидывая завалы, расчищали дорогу.

По случаю молодецкаго движенія, но по быстротѣ своей оставившаго далеко за собой боковыя цѣпи, съ правой стороны на высотѣ втораго завала образовался большой промежутокъ, не занятый нашими стрѣлками. Горцы этимъ воспользовались и открыли огонь въ то самое время, какъ показался на гребнѣ графъ Воронцовъ со штабомъ. Чтобы обезпечить слѣдованіе главныхъ силъ, генералъ Безобразовъ спѣшилъ линейныхъ казаковъ и занялъ ими прилегающій съ правой стороны глубокій оврагъ, который и удержанъ былъ казаками до прибытія боковой цѣпи.

Теперь время бросить взглядъ на мѣстность, на которой мы дрались. Речельскій хребетъ, отдѣляющій Андію отъ Ичкеріи, отбрасываетъ нѣсколько отроговъ, которые идутъ, то значительно поднимаясь, то немного повышаясь, до окончательнаго спуска въ долину Аксая. По гребню одного изъ этихъ хребтовъ шла дорога въ селеніе Дарго. Покатости гребня въ обѣ стороны были чрезвычайно круты и тѣмъ доставляли нашимъ войскамъ ту выгоду, что пули засѣвшихъ по обѣимъ сторо-

намъ горцевъ лѣзли чрезъ головы, отбивая только сучья отъ деревьевъ; но между спусками и подъемами были перешейки, которые удобно могли обстрѣливаться изъ лѣса; сверхъ того дорога была укрѣплена 20 завалами изъ большихъ деревьевъ, съ переплетенными сучьями. По самому свойству мѣстности, т. е. крутизнѣ боковъ дороги, боковыя цѣпи не могли двигаться по общепринятому на Кавказѣ правилу; быстрое же движеніе авангарда неминуемо оставило промежутокъ между нимъ и главными силами. Горцы воспользовались этимъ, ворвались въ промежутокъ, и, между вторымъ и третьимъ завалами, главнокомандующій, ѣхавшій спокойно съ принцемъ Гессенскимъ и генераломъ Лидерсомъ, былъ встрѣченъ градомъ пуль. Движеніе чрезъ перешеекъ между вторымъ и третьимъ завалами сдѣлалось невозможнымъ: всѣ остановились. У плотины столпилось до 40 офицеровъ. Выстрѣлы въ особенности были сильны съ правой стороны. Потребовали изъ авангарда горное орудіе, поставили его бокомъ, и послѣ двухъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ въ лѣсъ наудачу, вся прислуга лежала или убитою, или тяжело раненою. Потребовали другой комплектъ артиллеристовъ—и чрезъ нѣсколько минутъ то же ужасное послѣдствіе. Тѣ, которые не были убиты, лежали и, вѣроятно, отъ боли, жевали листья; почти всѣ ранены были въ животь.

Минута была торжественная. Никто не рѣшался переходить чрезъ плотину. Орудіе стояло осиротѣлое, окруженное умирающими. Въ это время на плотину взошелъ юпкеръ, остановился на срединѣ ея, повернулся къ намъ лицомъ, ступнулъ ружьемъ и, сказавъ: „какъ оставлять орудіе!“ прошелъ невредимо. Изъ числа офицеровъ, окружавшихъ графа Воронцова, полковникъ Дружининъ переходилъ нѣсколько разъ по этому мѣсту и также остался невредимъ. Вдругъ изъ среды насъ вышелъ генералъ Фокъ, взошелъ на плотину, схватилъ зарядъ, подобралъ валявшійся банникъ и началъ заряжать орудіе. Не успѣлъ онъ дослать заряда, какъ пуля ударила его въ животь такъ сильно, что онъ, перевернувшись нѣсколько разъ, чуть-чуть не упалъ на противоположный обрывъ, но былъ подхваченъ.

Когда его проносили мимо меня, я взялъ его руку и утѣшалъ въ счастливомъ исходѣ раны. Рука его была горяча; онъ посмотрѣлъ на меня потухающими глазами и сказалъ: „Non, je sens,—c'est la mort“.

Въ это время графъ, оглянувшись, увидалъ за собой въ

конвоѣ полсотни казаковъ и грузинскую милицію. Онъ велѣлъ имъ оставить лошадей и броситься вправо въ лѣсъ противъ перешейка. Черезъ четверть часа, по немъ можно было ходить какъ дома. Тогда графъ Воронцовъ потребовалъ 1-й баталіонъ куринцевъ и возложилъ на особенную отвѣтственность графа Бенкендорфа охраненіе этого пункта.

Когда баталіонъ кабардинцевъ, бывшій въ авангардѣ и слѣдовавшій за литовцами, дошелъ до шестаго завала, тогда литовцы бросились впередъ съ прежнею стремительностію и овладѣли остальными завалами и возвышенною поляною, находящеюся передъ самымъ спускомъ въ Дарго, въ разстояніи отъ него полуторы версты.

Главкомандующій, доѣхавъ до шестаго завала, дошелъ оттуда до поляны со 2-мъ баталіономъ кабардинцевъ, подвергаясь всѣмъ опасностямъ наравнѣ съ простымъ солдатомъ. Помню взглядъ, брошенный имъ на генерала Гурко, когда тотъ ему сказалъ: „не ѣздите туда, графъ: тамъ опасно“. Генералъ Гурко отговаривалъ только главнокомандующаго, а самъ былъ вездѣ, гдѣ только угрожала опасность. Такимъ образомъ 2-й баталіонъ кабардинцевъ образовалъ какъ бы второй авангардъ.

Главкомандующій, прибывъ на поляну, приказалъ генералу Бѣлявскому спуститься съ авангардомъ и овладѣть Дарго. Спускъ на протяженіи полуторы версты былъ чрезвычайно крутой. Приказаніе было исполнено; но Дарго уже пылалъ, зажженный собственными руками Шамиля.

Графъ Воронцовъ прибылъ туда съ кавалеріею и расположился съ авангардомъ на бивуакахъ. Это было въ одиннадцать часовъ вечера. Генералъ Лидерсъ пріостановилъ прочія войска на полянѣ, чтобы стянуть силы и собрать раненыхъ, поручивъ мнѣ занять цѣпью опушку лѣса. Исполнивъ приказаніе, я возвратился къ нему и спросилъ: что теперь мы будемъ дѣлать? Онъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы, не останавливаясь въ Дарго, идти сейчасъ же къ Герзель-аулу. Послѣдующія происшествія показали, какъ вѣренъ былъ его взглядъ.

Мѣсяцъ ударилъ на поляну. Она была покрыта отдыхающими войсками, вьюками и ранеными, которыхъ исповѣдывали священники. Когда насъ увѣдомили о приближеніи аріергарда, мы, въ свою очередь, начали спускаться и въ два часа ночи были въ Дарго.

Силы мои истощились. Я завернулся въ бурку и заснулъ подъ ропотъ генерала Гротенгельма, что офицеры генеральнаго штаба ничего не дѣлають, не выставили цѣпи, которая бы препятствовала непріятелю стрѣлять по лагерю. Генералъ Гротенгельмъ былъ правъ; но природа взяла свое, и офицеры генеральнаго штаба, по мѣрѣ прибытія въ Дарго, слѣдовали моему примѣру.

Главныя силы и аріергардъ шли все время безъ большой потери. Обозъ тянулся по лѣсу цѣлые шесть часовъ; наконецъ за нимъ послѣдовалъ и аріергардъ, притянувъ къ себѣ 1-й баталіонъ куринцевъ, прибывшій въ Дарго только къ восьми часамъ утра. (*)

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли: 1 генерала, 1 штабъ-офицера, 2 оберъ-офицеровъ и 30 нижнихъ чиновъ убитыми; 10 офицеровъ, 130 нижнихъ чиновъ и 30 милиціонеровъ ранеными. (**)

Упрекають генерала Бѣлявскаго, что онъ слишкомъ быстро шелъ впередъ. Въ этомъ упрекѣ есть своя доля правды; но быстрота всегда изумляетъ и приводитъ въ смущеніе непріятеля. Генералъ Бѣлявскій думалъ исполнить тѣмъ лучше свою задачу. Онъ былъ храбръ, но слишкомъ пылокъ и увлекался.

Къ утру, когда я проснулся, домъ Шамиля и мечеть догорали. Мы разсматривали слободу, гдѣ жили русскіе бѣглецы. Стѣны были исписаны самыми глупыми надписями, въ родѣ такихъ: „цейхаузъ короля прусскаго“, „швабля короля саксонскаго....“ и проч.

Въ ожиданіи подвоза съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ ощущался уже значительный недостатокъ, войска расположились лагеремъ на возвышеніи близъ Дарго, имѣя передъ собой долину Аксая, въ верстѣ разстоянія — возвышенный правый

(*) Одинъ изъ участниковъ экспедиціи замѣчаетъ: «Имѣя въ виду, что войскамъ нашимъ снова придется проходить лѣсъ между Дарго и Анди, для конвоирования ожидаемаго транспорта, слѣдовало бы оставить въ лѣсу, на сообщеніи, одинъ или два баталіона съ орудіями, усилить позицію этого отряда засѣками. Тогда сообщеніе между Дарго и Анди было бы обезпечено и транспортъ прошелъ бы почти безпрепятственно, чего не случилось, какъ увидимъ ниже. Кромѣ того мѣрла эти, быть можетъ, дозволили бы исполнить предположеніе графа Воронцова: построить около Дарго укрѣпленіе и проложить сообщеніе по Магартунъ и Грозную».

Ред.

(**) Потери по офиціальнымъ источникамъ были: *убитыхъ* — 1 генералъ, 1 штабъ и 2 оберъ-офицера, 28 нижнихъ чиновъ и 4 милиціонера; всего 36 человекъ. *Раненыхъ* — 9 штабъ и оберъ-офицеровъ, 98 нижнихъ чиновъ и 30 милиціонеровъ; всего 137 человекъ. Ранено 32 человека. См. «Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1848 году», стр. 45.

Ред.

берегъ рѣки, а лѣвый флангъ—по направленію къ дорогѣ, по которой пришли.

Вотъ этого-то возвышеннаго берега непріятель не переставалъ занимать съ самаго нашего прихода. 7-го числа, вечеромъ, онъ принялъ отъ насъ повѣстку и зорю, пробитыя у него нашими бѣглыми барабаничками и горнистами весьма порядочно. 8-го, утромъ, непріятель поставилъ на это возвышеніе четыре орудія: ядра попадали къ намъ въ лагерь, не нанося, къ счастью, никакого вреда. Чтобы не позволить такъ безнаказанно стрѣлять въ насъ, графъ Воронцовъ составилъ отрядъ изъ 6 баталіоновъ пѣхоты (*), съ 6 сотнями кавалеріи и 6 горными орудіями, приказавъ сбить непріятеля съ этихъ высотъ. Командованіе отрядомъ поручено было генералу Лабинцеву, а кавалеріею отряда—генералу Безобразову.

Мѣстность была открытая, до самаго подъема на противоположный берегъ. Войска двинулись въ боевомъ порядкѣ, въ двѣ линіи, по три баталіона въ каждой, артиллерія между баталіонами, кавалерія въ резервѣ.

Съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили мы, оставшіеся въ лагерѣ, за движеніемъ отряда и видѣли, какъ пѣхота бросилась на лѣсистый подъемъ лѣваго берега Акса, какъ непріятель отступалъ, какъ выскакала кавалерія и его преслѣдовала. Всѣмъ этимъ смѣлымъ и быстрымъ движеніямъ мы аплодировали въ лагерѣ.

Непріятель отступалъ, чтобы завлечь отрядъ на болѣе пересѣченную мѣстность.

По заранѣ данному приказанію, отрядъ, прогнавъ непріятеля, долженъ былъ возвратиться въ Дарго. Лишь только онъ предпринялъ обратное движеніе, какъ непріятель началъ выростать изъ-за каждаго камня, отдѣляться отъ каждаго дерева, становился дерзкимъ, нагизчивымъ, и скоро долина покрылась ранеными и убитыми, которыхъ относили въ лагерь. Между ними, къ сожалѣнію, мы увидѣли храбраго командира 3-го баталіона Апшеронскаго полка, подполковника Позинскаго, и смертельно раненаго командира 1-го баталіона Люблинскаго полка, бывшаго адъютанта Лидерса, подполковника Корнилова, двоюроднаго брата славнаго севастопольскаго героя. Кромѣ

(*) 1-й бат. Люблинскаго, 2-й бат. Замосцкаго, 3-й бат. Апшеронскаго, 3-й и 4-й бат. Панагинскаго, 2 роты кабардинцевъ, 2 роты кавказскихъ стрѣлковъ и 1 рота саперовъ.

того, въ числѣ раненныхъ былъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Леоптьевъ.

Трудно было соблюсти порядокъ при отступленіи. Баталіоны двигались въ обширныхъ поляхъ, покрытыхъ высокою кукурузой, такъ что невозможно было ни дать направленіе частямъ, ни сохранить должное единство въ ихъ движеніи. Каждая часть тонула въ кукурузѣ, брошенная, такъ сказать, на произволъ судьбы.

Минута, когда отрядъ, такъ славно прогнавшій скопище горцевъ, началъ отступать, была какъ будто поворотной точкой нашей экспедиціи. Мы инстинктивно это почувствовали, и какое-то необъяснимое уныніе распространилось въ отрядѣ.

Надо было видѣть, какъ лица, которыя за нѣсколько минутъ были радостны, вдругъ сдѣлались серьезными и грустными.

Не видъ 200 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ навелъ это уныніе—мы всѣ болѣе или менѣе уже привыкли къ подобнаго рода зрѣлищамъ—но, безъ сомнѣнія, убѣжденіе въ бесполезности этой потери.

Когда отрядъ воротился въ лагерь, горцы опять уже занимали лѣвый берегъ Аксая и до самаго выступленія всякій день били повѣстку и зорю.

Графъ Воронцовъ смотрѣлъ на дѣло по понятіямъ, которыя онъ приобрѣлъ въ европейской войнѣ; онъ не зналъ ни кавказской войны, ни образа дѣйствій горцевъ. Въ европейской войнѣ, конечно, когда непріятельскій отрядъ будетъ сбить съ позиціи, прогнанъ и разсѣянъ при преслѣдованіи, ему трудно вновь занять ту же позицію; но горцамъ, которые исчезаютъ при наступленіи и вырастаютъ изъ земли, когда наши войска отступаютъ, ихъ натурѣ соприсуще было опять занять вслѣдъ за нами ту же позицію. Это рой мухъ, которыхъ вы согнали: онъ разлетѣлся, скрылся изъ виду, но минуту спустя снова на томъ же мѣстѣ.

Прогнать непріятеля слѣдовало. Нельзя было допустить его стрѣлять по лагерю; но не менѣе того слѣдовало, занявъ разъ высоты, оставаться тамъ: мы, такъ сказать, осѣдали бы долину Аксая, могли бы спокойно въ ней фуражировать, не теряя по десяти человѣкъ и болѣе каждый день въ продолженіе недѣли, чему я былъ свидѣтелемъ, участвуя каждый день въ фуражировкѣ.

Въ этомъ дѣлѣ, ничтожномъ въ сравненіи съ проходомъ чрезъ лѣсъ для овладѣнія Дарго, въ дѣлѣ, которое сдѣлалось столько жаркимъ по причинѣ нашего произвольнаго отступленія, мы потеряли почти столько же людей: убитыми: офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 30; ранеными: офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 180. (*) Непріятель, настойчиво насѣдавшій при отступленіи нашемъ, совершавшемся чрезвычайно медленно, потерялъ много. Нѣсколько труповъ остались въ нашихъ рукахъ. Горцы, ранившіе Корнилова, были переколоты штыками, и люблинцы, которые горячо любили Корнилова, отрывали имъ головы. Корниловъ былъ идеальный баталіонный командиръ: еще въ то время онъ мечталъ о прогрессѣ, о распространеніи грамотности и благонравія, а чрезъ то и уничтоженія тѣлеснаго наказанія. Въ послѣднія минуты его жизни я былъ у него въ палаткѣ. Онъ просилъ, чтобы съ нимъ положили молитвенникъ; читать его онъ уже былъ не въ состояніи. Графъ Воронцовъ прислалъ ему Анну 2-й степени. „Это уже не для меня“, сказалъ онъ, и, точно, въ скоромъ времени его не стало. Для погребенія вырыли колодезь и въ сторону маленькую галерейку, чтобы впослѣдствіи горцы не могли найти тѣла. Такъ окоронили и Левисона.

Безпрерывное погребальное пѣніе священниковъ и пальба при опусканіи тѣлъ наводили уныніе на отрядъ и давали горцамъ возможность судить о числѣ убитыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, это была трата пороха, въ которомъ мы имѣли настоящую надобность. Было приказано хоронить безъ салютаціи.

9-го числа, вечеромъ, нѣсколько пущенныхъ ракетъ съ того самаго мѣста, гдѣ войска отдыхали 5-го числа, предъ вступленіемъ въ лѣсъ, дали знать о прибытіи самаго большого транспорта. Спуститься ему къ намъ безъ нашей помощи нечего было и думать. Графъ Воронцовъ приказалъ составить отрядъ, въ который бы вошла половина всѣхъ частей войскъ, говоря: „пусть каждый товарищъ принесетъ продовольствіе своему товарищу“.

Отрядъ былъ составленъ изъ слѣдующихъ частей: 2 роты литовцевъ образовали сводный баталіонъ съ 2 ротами замосцевъ; 3-й баталіонъ люблинцевъ, 2 роты апшеронцевъ, 1 баталіонъ

(*) Въ «Обзорѣ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1845 году» потеря эта показана: *убитыхъ* — 2 офицера и 28 нижнихъ чиновъ, всего 30 человекъ; *раненыхъ* — 9 офицеровъ и 178 нижнихъ чиновъ, всего 187 человекъ. *Ред.*

навагинцевъ, 1 баталіонъ кабардинцевъ, 3 роты куринцевъ, 2 роты саперовъ, 1½ роты стрѣлковъ, команда отъ артиллерійскаго парка, половина отъ разныхъ сотенъ казаковъ и половина отъ всѣхъ милицій. По моему мнѣнію, подобный составъ отряда не соотвѣтствовалъ предстоящему опасному предпріятію. Только въ мирное время можно послать такой отрядъ изъ лагеря за дровами или провіантомъ. А намъ извѣстно было, что непріятель, зная о приближеніи транспорта, собрался въ лѣсу въ значительныхъ силахъ и не только возобновилъ завалы, но и увеличилъ число ихъ.

Отрядъ былъ ввѣренъ генералу Клюки-фонъ-Клюгенау. Авангардъ составили кабардинцы, подъ командою Пассека; аріергардъ навагинцы и апшеронцы, подъ начальствомъ генерала Викторова; въ главныхъ силахъ любинцы, въ правой цѣпи лютцы и замосцы, въ лѣвой куринцы.

Когда составлялся отрядъ, я разговаривалъ съ генеральнаго штаба капитаномъ Корсаковымъ. Мы увидѣли, что къ намъ идетъ М*, который обоихъ насъ не жаловалъ. Корсаковъ сказалъ мнѣ: „кого изъ насъ назначать, тотъ не вернется“. — „Капитанъ Корсаковъ, вы пойдете съ войсками за продовольствіемъ“, какъ бы въ отвѣтъ на то произнесъ М*. Корсаковъ пожалъ мнѣ руку. Это было наше послѣднее прощаніе.

У Клюгенау было суворовское правило: „голова хвоста не ждетъ“, и, слѣдуя ему, онъ тронулся съ головой колонны, не ожидая сбора всего отряда. И правду сказать: сколько ни дождайся, всегда будутъ опоздавшіе.

Отрядъ нашъ втягивался въ лѣсное дефиле, подвигался впередъ съ различною скоростію, смотря по встрѣчаемымъ препятствіямъ. Пороховой дымъ ясно обрисовывалъ направление дороги. Въ сравненіи съ 6-мъ числомъ, количество заваловъ было увеличено и они были сдѣланы прочіе; къ тому же, для защиты ихъ, наканунѣ явились къ Шамилу чеченцы, которые 6-го числа противъ насъ не находились, бывъ оттянуты движеніемъ генерала Фрейтага изъ Воздвиженска въ Большую Чечню.

Авангардъ бралъ завалы; но движеніе слѣдующаго за нимъ отряда было затруднено расчисткою дороги, ибо даже два дерева, срубленные и переброшенные съ различныхъ сторонъ на дорогу, производили значительную задержку.

Это обстоятельство произвело безпорядокъ въ движеніи ко-

лонны, который въ особенности проявился при переходѣ чрезъ знакомый намъ перешсекъ.

Со смертію генерала Викторова безпорядокъ усилился. Непріятель, воспользовавшись имъ, бросился на арьергардъ, отрѣзалъ часть его и совершенно истребилъ какъ прикрытіе, такъ и артиллеристовъ. Лошади двухъ горныхъ орудій были убиты, а самыя орудія сброшены горцами въ оврагъ. Здѣсь потеряли тѣло генерала Фока. Рога навагинцевъ, посланная назадъ генераломъ Клюки фонъ-Клюгенау, отбросила непріятеля, но достать орудія не было никакой возможности; притомъ же наступила ночь. Тутъ были ранены командиръ 2-го баталіона кабардинцевъ, полковникъ Ранжевскій, и адъютантъ генерала Клюгенау, капитанъ Ключаревъ. По выходѣ изъ лѣса, войска, собравшись на высотахъ, на которыхъ отдыхали 6-го числа, расположились бивуакомъ. Возникъ чрезвычайно серьезный вопросъ: предстоитъ ли возможность возвратиться въ Дарго и пройти въ третій разъ это страшное дѣтиле, гдѣ войска уже понесли значительную потерю и гдѣ непріятель, ободренный успѣхомъ, будетъ нападать съ новою дерзостію? Удастся ли доставить продовольствіе, сохранивъ его во время движенія, такъ какъ войска стало меньше, а колонна будетъ длиннѣе? Не благоразумнѣе ли будетъ, не отлагая отряда графа Воронцова ранеными, идти обратнымъ путемъ чрезъ Андію, предоставивъ даргинскому отряду двигаться особенно на Герзель-ауль?

Такого рода мнѣнія были присланы графу Воронцову чрезъ лазутчика. Клюгенау сообщалъ, что, по мнѣнію его, всѣ годы будутъ на нашей сторонѣ, если мы двинемся по двумъ различнымъ дорогамъ, оставя непріятеля въ лѣсу, гдѣ слышенъ стукъ, который показывалъ, что онъ приготовляетъ новые завалы; но—«la nuit porte conseil»—ночью пробрался черезъ лѣсъ юнкеръ и увѣдомилъ графа Воронцова, что Клюгенау рѣшился присоединиться къ даргинскому отряду во что бы то ни стало. Юнкеръ былъ сейчасъ же произведенъ въ офицеры.

Ознакомясь коротко, въ два пути, со всѣми препятствіями, ни Клюки, ни Пассекъ не могли обманывать себя ложной надеждой благополучно присоединиться къ главному отряду; но они не хотѣли дать горцамъ права сказать, что русскій отрядъ, гдѣ былъ Клюки и самъ Пассекъ, ходилъ за транспортомъ и не посмѣлъ вернуться назадъ. Скажемъ смѣло: они предвидѣли

послѣдствія, рѣшившись на движеніе, но рассчитали, что въ нравственномъ отношеніи лучше погибнуть, нежели, изъ страха, отказаться отъ исполненія предпріятія, вполowiу уже сдѣланнаго.

Три пушечныхъ выстрѣла, съ тремя ракетами, возвѣстили намъ объ обратномъ слѣдованіи колонны. Съ стѣсненнымъ сердцемъ и напряженнымъ вниманіемъ вперили мы глаза на дорогу. Опять дорога начала обозначаться дымомъ, по которому мы судили о приближеніи отряда и о жестокой борьбѣ, которую онъ выдерживалъ. Ясно было, что непріятель противопоставилъ наибольшее сопротивленіе авангарду, чтобы стараться не допустить соединенія отрядовъ. Начальствованіе авангардомъ было поручено генералу Пассеку: онъ состоялъ изъ баталіоновъ Люблинскаго и Навагинскаго, съ ротой саперовъ. Въ правой цѣпи три роты куринцевъ, въ третій разъ въ одной и той же цѣпи совершавшія этотъ исполненный опасности путь; въ лѣвой цѣпи рота литовцевъ и замосцевъ; въ аріергардѣ баталіонъ кабардинцевъ, двѣ роты апшеронцевъ и рота саперовъ, подъ командою раненаго полковника Ранжевскаго; полторы роты кавказскихъ стрѣлковъ были распределены въ обѣихъ цѣпяхъ. При входѣ въ лѣсъ повторилось то же, что и 6-го числа, но въ другихъ размѣрахъ. Люблинцы, бросаясь съ завала на заваль, выбивали горцевъ штыками; саперы, расчищая дорогу и встрѣчая деревья, еще искуснѣе скрѣпленные между собою, необходимо отстали отъ люблинцевъ.

Горцы, которые въ этотъ разъ были еще сильнѣе, такъ какъ къ нимъ прибыли чеченцы, бросились на саперовъ, изрубили ихъ и заняли вновь заваль. Пассекъ бросился съ навагинцами выбивать горцевъ, самъ пошелъ впереди роты и былъ убитъ. „Прощайте, друзья!“ были послѣднія слова его.

Такъ погибъ, въ головѣ роты, генералъ, которому все предсказывало предводить арміями.

Генералъ Ключи прибылъ на мѣсто и самъ распоряжался двумя ротами навагинцевъ. Платье его было прострѣлено пулями; но до него ни одна не коснулась. Солдаты говорили, что онъ заговоренъ. Подлѣ него убили адъютанта его, Ключарева, командира Навагинскаго баталіона, подполковника Сервиорога и генеральнаго штаба капитана Корсакова; наконецъ ему удалось отбить непріятеля. Тогда потянулись по обыкновенію слѣдовавшіе въ срединѣ главной колонны вьюки съ продоволь-

ствіемъ, порціонный скотъ, конные грузины, деньщики, погонщики. Непріятель продолжалъ по нимъ сильный огонь, и изъ труповъ людей и лошадей составились новые завалы, что затруднило чрезвычайно движеніе аріергарда, на который горцы бросались съ ожесточеніемъ. Тутъ полковникъ Ранжевскій былъ убитъ.

Горное орудіе, затрудняясь въ движеніи чрезъ завалы, осталось безъ прикрытія. Командовавшій имъ поручикъ Баумгартенъ строго приказалъ артиллеристамъ бѣжать къ пѣхотѣ, сказавъ, что его одного мѣсто здѣсь, легъ на орудіе и былъ совершенно изрубленъ въ куски.

Это мнѣ напоминаетъ рассказъ объ артиллерійскомъ поручикѣ Потемкинѣ. Шамиль велѣлъ ему наводить орудія на русскія войска. Ядра летѣли чрезъ головы. Шамиль общалъ его сжечь, если онъ не попадетъ. Онъ выстрѣлилъ нарочно въ другую сторону. Его привязали къ дереву и сожгли. Предъ всступленіемъ нашимъ въ Дарго, Шамиль казнилъ десять чело-вѣкъ нашихъ плѣнныхъ.

По полученіи въ Дарго извѣстія о жаркой схваткѣ въ тѣсу, изъ лагеря посланъ былъ баталіонъ кабардинцевъ, который дошелъ до главной площадки; туда же двинулись генералъ Лидерсъ съ двумя ротами и вслѣдъ за нимъ начальникъ штаба генералъ Гурко съ одной ротой.

Передъ вечеромъ, когда раненые и авангардъ стянулись на большую площадку, отрядъ началъ спускаться въ Дарго. Мы потеряли: *убитыми*: 2 генераловъ, 3 штабъ-офицеровъ, 14 оберъ-офицеровъ и 540 нижнихъ чиновъ; ранеными: 32 оберъ-офицера и 740 нижнихъ чиновъ (*). Всего вышло изъ строя: 2 генерала, 49 офицеровъ и 1,280 чело-вѣкъ нижнихъ чиновъ—потеря и всегда огромная, но особенно чувствительная для такого небольшого отряда, не могшаго получить ни откуда подкрѣпленія. Сверхъ того мы потеряли три горныхъ орудія. Не было вынесено и тѣло Пассека. Это движеніе и двухдневный бой солдаты окрестили названіемъ *сухаридіи экспедиціи*.

Разсматривая событіе послѣднихъ дней, невольно задаешь себѣ вопросъ: графъ Воронцовъ зналъ, что большой транспортъ съ продовольственными припасами долженъ былъ придти 9-го или 10-го числа: для чего же онъ не дождался его и пошелъ

(*) Въ «Обзорѣ», стр. 80, число *убитыхъ* нижнихъ чиновъ, показано 837 чело-вѣкъ, а *раненыхъ* нижнихъ чиновъ 733.

6-го, поставивъ между собою и имъ такую преграду, какъ горы и лѣсистое дефиле? Зная, что транспортъ долженъ будетъ проходить чрезъ лѣсъ, казалось, не слѣдовало оставлять площадки, но укрѣпиться на ней, сдѣлавъ кругомъ въ лѣсу завалы. На это, можетъ быть, замѣтить: зачѣмъ оставаться въ лѣсу, выгодномъ для дѣйствій горцевъ? Отвѣчу словами кавказскихъ солдатъ: „тебѣ гора — и ему гора, тебѣ лѣсъ — и ему лѣсъ“. При обратномъ движеніи отряда съ транспортомъ, надобно было заранѣе послать войска ему на встрѣчу.

Составъ отряда не выдерживаетъ критики: при назначеніи отряда съ цѣлю пройти дремучій лѣсъ на пространствѣ 10 верстъ и вернуться по той же дорогѣ, не слѣдовало въ составъ его назначать ни кавалеріи, ни артиллеріи.

По теоріи, каждый солдатъ долженъ былъ принести сухари своему товарищу; на дѣлѣ вышло, что къ намъ принесли очень мало сухарей или не принесли вовсе ничего, но за то принесли много раненыхъ. Чтобы показать всю ошибочность соображеній, надо имѣть въ виду, что великолѣпный отрядъ, пришедшій въ Дарго и смѣло могшій продолжать движеніе къ Герзель-аулу, остановился только въ ожиданіи продовольствія — продовольствія не получилъ и могъ бы поколебаться духомъ послѣ дѣла 7-го числа и въ особенности послѣ „сухарной экспедиціи“, если бы русскій солдатъ не съ такимъ трудомъ приходилъ въ уныніе. Лишившись бесполезно столько храбрыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, мы имѣли еще на рукахъ до 1,000 человекъ раненыхъ.

Оставаться долѣе въ Дарго было не только бесполезно, но и неблагоприятно: неимѣніе продовольствія дѣлало наше положеніе съ каждымъ часомъ затруднительнѣе. Былъ составленъ военный совѣтъ, который рѣшилъ, что самое выгодное направленіе — на *Герзель-аулъ*, какъ ближайшее (до него оставалось 40 верстъ), имѣющее на всемъ пространствѣ воду и сохранявшее видъ наступленія, въ то время, когда возвращеніе тѣмъ путемъ, которымъ мы пришли, хотя и имѣло бы выгоду, что, пройдя лѣсное дефиле, мы были бы сейчасъ на открытыхъ мѣстахъ, собрали бы наши отряды, оставшіеся на пути, напали бы у нихъ продовольствіе и стали бы сидѣть, но это движеніе имѣло видъ отступленія, да и не желали рисковать со всѣмъ отрядомъ идти по лѣсу, котораго затрудненія были такъ жестоко испытаны нами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералу Фрейтагу было послано нѣсколь-ко лазутчиковъ, чтобы онъ поспѣшилъ собрать войска и шелъ къ намъ на встрѣчу. Лазутчикамъ за это заплатили горстями золота. Въ ночь съ 11-го на 12-е вѣрно было изрубить всѣ палатки и отдать солдатамъ на портянки. Прежде чѣмъ приступить къ этой операціи, я пригласилъ къ себѣ Гордѣева и Аммосова ужинать. У меня были гречневая каша и портеръ— послѣдняя провизія.

Многіе изъ офицеровъ истребили или роздали имѣвшееся у нихъ лишнее бѣлье, платье, столовые и чайные сервизы, вообще все, безъ чего можно было обойтись. Всѣ лошади, освободившіяся изъ-подъ палатокъ и изъ-подъ лишнихъ вещей, отданы были подъ раненыхъ. Болѣе всего мнѣ жаль было шкатулку съ сервизомъ, только что въ Москвѣ купленнымъ. Слуга мой возсталъ противъ уничтоженія шкатулки и отданія лошади, „Много лошадей вамъ дали — ворчалъ онъ — когда прошлаго года были ранены. Небось на своей раненой поѣхали!...“

Сожалѣніе о вещахъ и особенно настойчивость слуги помѣшали мнѣ, къ стыду моему, дать свою лошадь подъ раненыхъ. Я уже зналъ, что я назначенъ въ авангардъ. Генералъ Бѣлявскій спрашивалъ меня, доволенъ ли я буду, если онъ попроситъ у Лидерса позволенія состоять мнѣ при авангардѣ во все время движенія къ Герзель-аулу. Я не находилъ словъ достаточно благодарить его за вниманіе. Меня призвалъ Лидерсъ, говорилъ о моемъ назначеніи и предупреждалъ, что настоящее движеніе наше выйдетъ изъ ряда тѣхъ, гдѣ авангардъ идетъ спокойно и дерутся только въ арьергардѣ. Теперь непріятель, зная нашу малочисленность, вѣрно, будетъ употреблять всѣ усилія, чтобы пересѣчь намъ дорогу въ Герзель-ауль.

Въ два часа утра, взявъ проводника, я нашелъ 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка и передалъ ему приказаніе вытягиваться. Онъ былъ въ головѣ *авангарда*, состоявшаго кромѣ него изъ 1-го баталіона люблинцевъ, 5-го сапернаго баталіона и трехъ ротъ кавказскихъ стрѣлковъ, при четырехъ горныхъ орудіяхъ и конной милиціи.

Главныя силы, подъ начальствомъ генерала Клюки-фонъ-Клюгенау, состояли изъ 1-го баталіона Литовскаго полка, 2-го Замосцкаго, 3-го Люблинскаго, при 2 полевыхъ и 5 горныхъ орудіяхъ, всѣхъ раненыхъ и оставшихся тяжестей. Человѣкъ 60,

по свойству ихъ ранъ, были несены на рукахъ, что взяло изъ фронта болѣе 300 человекъ.

Арьергардъ, подъ начальствомъ генерала Лабинцева, два баталіона кабардинцевъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, и всѣ конные казаки.

Правая цѣпь — навагинцы, подъ начальствомъ полковника Бибикова, а лѣвая — куринцы, подъ начальствомъ Меллера-Закомельскаго (*).

Непріятель не ожидалъ, что мы пойдемъ на *Бельгадой*, а потому авангардъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, занялъ позицію при этомъ селеніи, расположивъ съ одной стороны кладбища Апшеронскій, а съ другой Люблинскій баталіоны.

При переходѣ чрезъ оврагъ главныхъ силъ отряда, непріятель открылъ по немъ огонь изъ двухъ орудій, которыя замолчали однако отъ дѣйствія нашихъ полевыхъ орудій.

Когда весь отрядъ стянулся къ авангарду, тогда авангардъ перешелъ, также безъ потери, чрезъ крутой и лѣсистый оврагъ, и занялъ аулъ *Цонтери*, гдѣ весь отрядъ и расположился на ночлегъ.

Непріятель, видя, что мы рѣшительно избрали другое направленіе, нежели онъ предполагалъ, потянулся изъ лѣса густыми массами, казавшимися отъ черкесокъ желтыми пятнами, по одному направленію съ нами. 14-го іюля горы были еще не увѣрены, какое мы примемъ направленіе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Цонтери дорога раздѣляется: одна идетъ на *Маюртунъ*, другая на *Герзель-ауль*. Это заставило ихъ растянуть свои силы.

Въ четыре часа утра мы выступили изъ Цонтери. Наканунѣ еще генераль Лидерсъ просилъ, чтобы въ авангардѣ былъ опять 1-й баталіонъ Литовскаго полка, который и смѣнилъ Люблинскій баталіонъ, поступившій въ главные силы. Генераль Лидерсъ чрезвычайно любилъ Литовскій полкъ, и солдаты это знали: бывало, когда онъ пріѣдетъ на сѣверную сторону Севастополя, въ литовскія казармы, солдаты бѣгутъ за его колыской до изнеможенія силъ.

(*) Въ правой цѣпи, кромѣ двухъ баталіоновъ навагинцевъ, были горійская милиція и тифлисская дружина нѣшей грузинской милиціи; въ лѣвой цѣпи, кромѣ своднаго баталіона Куринскаго полка — горійская дружина нѣшей грузинской милиціи. См. «Обзоръ», стр. 89.

Сначала апшеронцы вытѣснили непріятеля изъ опушки лѣса, при чемъ раненъ былъ ихъ баталіонный командиръ графъ Степ-бокъ; потомъ мѣстность сдѣлалась болѣе открытою, и на лѣвомъ флангѣ нашемъ мы увидѣли непріятельскую кавалерію съ конною артиллеріею.

Вскорѣ мы встрѣтили глубокой и крутой оврагъ, противоположный, возвышенный и лѣсистый берегъ котораго горцы сильно заняли, укрѣпивъ завалами.

Не взявъ этой возвышенности, нельзя было продолжать движенія; но взять ее было нелегко. Эту задачу велѣно было разрѣшить куринцамъ. Графъ Бенкендорфъ смѣло повелъ баталіонъ. Весь отрядъ могъ слѣдить за его чрезвычайно труднымъ предпріятіемъ.

Онъ подымался на лѣсистую, весьма крутую гору, предполагалъ атаковать завалъ во флангъ, а попалъ съ фронта. Несмотря однако на всѣ трудности, завалъ былъ взятъ; но графъ Бенкендорфъ былъ тяжело раненъ. Атакѣ помогали полевые орудія и конгревовы ракеты, которыя были направлены такъ неудачно, что убили нѣсколькихъ куринцевъ.

Когда завалы были взяты, генералъ Бѣлявскій пошелъ вправо съ Апшеронскимъ, Дитовскимъ и Люблинскимъ баталіонами. Насъ встрѣтилъ жестокой огонь изъ заводовъ, на правомъ нашемъ флангѣ. У моего казака ранили лошадь, и онъ исчезъ.

Необходимо было взять и эти завалы. Это было возложено на навагинцевъ. Обойдя завалъ справа, они подвигались медленно. Лидеръ посылалъ имъ приказаніе за приказаніемъ идти скорѣе. Командиръ полка, полковникъ Вибиковъ, поскакалъ самъ впередъ и былъ раненъ. Между тѣмъ, главнокомандующій приказалъ милиціи слѣзшиться и, вмѣстѣ съ двумя ротами саперовъ, атаковать завалы съ фронта: непріятель былъ прогнанъ. Здѣсь были ранены командиръ сапернаго баталіона полковникъ Завальевскій и дежурный штабъ-офицеръ отряда полковникъ Альбрантъ.

Овладевъ высотами съ непріятельскими завалами, мы воспользовались возможностью двинуться впередъ, чего отнюдь не слѣдовало дѣлать: здѣсь авангардъ долженъ бы былъ обождать колонну; но урокъ 6-го числа не послужилъ въ пользу. Пройдя версты двѣ по лѣсу, мы очутились опять на открытомъ мѣстѣ, и предъ нами показались лѣсистыя высоты, расположенныя ду-

гою и столь сильно заняты непріятелемъ, что опушка бѣлѣлась отъ дыма. Шамилъ взялъ съ своихъ наибовъ слово не пропустить въ этотъ день русскихъ, а мы какъ будто дали слово помочь ему въ этомъ дѣлѣ, подвергал отрядъ истребленію нарушеніемъ самыхъ коренныхъ правилъ горной войны.

Часть авангарда, вышедшая на поляну и состоявшая не болѣе, какъ человекъ изъ 400 апшеронцевъ, люблинцевъ, цитовцевъ и саперовъ, построенныхъ въ одну сплошную колонну, безъ раздѣленія войскъ, въ нерѣзительности остановилась. Лидерсъ подѣхалъ и, обращаясь къ солдатамъ 5-го корпуса спросилъ: „ребята, что вы пѣли подъ Вознесенскомъ?“ Выскочилъ изъ рядовъ одинъ старый солдатъ, повернулся лицомъ къ авангарду и, затаивъ:

Мы герои, дѣти славы,
Дѣти блага царя!...

пустился плясать. Прочіе дружно подхватили пѣсню и двинулись впередъ.

Но огонь непріятеля былъ такъ силенъ, что, передъ входомъ въ лѣсъ, авангардъ опять остановился и залегъ за мѣстнымъ прикрытіемъ. Бѣди смущеніе войскъ, генералъ Бѣлявскій вскричалъ: „неужели между вами не найдется ни одного честнаго человека, чтобы умереть съ своимъ генераломъ?“ Одинадцать апшеронцевъ встали и бросились за нимъ впередъ. Примѣръ ихъ увлекъ и остальныхъ.

Между тѣмъ, къ авангарду двинувшемуся впередъ, присоединился генералъ Лидерсъ, пріѣхавшій отъ правой цѣпи по лѣсной тропинкѣ.

Въ это время меня ранили пулей въ ногу. Когда я сказалъ Бѣлявскому, что я раненъ, онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, можетъ быть даже и не слыжалъ.

Остановясь и желая осмотрѣть рану, я имѣлъ неосторожность слѣзть съ лошади. Нога моя болталась, и я не могъ идти. Вижу сапернаго унтеръ-офицера, говорю:

— Помоги, любезный, идти.

— Извольте, ваше благородіе? Да куда же мы пойдемъ? авангардъ уже скрылся въ лѣсу.

— Я ему объяснилъ, что по дорогѣ не дойдемъ, а надо идти лѣсомъ. Было жарко: онъ усталъ меня поддерживать; взяли было еще прохожаго солдатика, да тотъ убѣжалъ. На гору взошелъ я на колѣняхъ, при слѣдующемъ разговорѣ:

— Какъ твоя фамилія?

— Могилевцевъ.

— Въ настоящую минуту нехорошая фамилія.

— Да это вѣдь, ваше благородіе, не отъ могилы, а отъ Могилева!...

Взойдя на гору, мы попали на торную дорогу; но куда идти? „Пойдемъ—говорю—на выстрѣлы, а то можемъ, пожалуй, зайти въ непріятельскій аулъ.“ Могилевцевъ подсадилъ меня на лошадь и повелъ ее въ поводу. Дорогу прорѣзывали пули. Вдругъ видимъ навстрѣчу намъ Лидерсъ со штабомъ: онъ отъѣхалъ отъ авангарда съ цѣлю привести въ возможный порядокъ войска, оставшіяся назади, и двинуть лѣвую цѣпь. Впереди ѣхалъ начальникъ его конвола, Казъ-Булатъ-Ясеновъ. Я пристроился къ штабу и совершенно успокоился. Такъ, послѣ большой опасности, меньшія уже кажутся ничтожными.

Ѣдемъ по дорогѣ, вдругъ на насъ залпъ.

Упалъ адъютантъ Лидерса, графъ де-Бальменъ. Никто не обратилъ вниманія.

— Ваше высокопревосходительство — сказалъ Ясеновъ — надо опять повернуть назадъ и ѣхать лѣсомъ.

Повернули въ лѣсъ и поѣхали рысью.

Для меня было трудно такое движеніе: я отсталъ, запутался было между деревьями и вспомнилъ объ Авессаломѣ. Двое черкесовъ, у которыхъ ружья были выстрѣлены, бросились на меня съ шашками; однако я кое-какъ выпутался и догналъ штабъ, находившійся уже при выходѣ изъ лѣса, между двумя завалами, занятыми передовою частію авангарда (*).

Слѣзали съ лошадей. Генералъ Лидерсъ прилегъ на мою раненую ногу, большой сапогъ которой весь наполнился кровью. Подлѣ него лежалъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ графъ Гейденъ (нынѣшній дежурный генералъ); напротивъ Меллеръ-Закомельскій. Подполковникъ Непокойчицкій одинъ ходилъ и разставлялъ войска въ цѣпи.

Положеніе было отчаянное. Мы были окружены со всѣхъ сторонъ и ожидали каждую минуту нападенія на насъ горцевъ въ числѣ гораздо превосходномъ. Хотя горцамъ обошлась бы дорого наша жизнь, но мы, конечно, были бы истреблены: насъ было не болѣе ста. Генералъ Лидерсъ, вида безвыход-

(*) Тутъ привезли перекинутого черезъ сѣдло убитаго адъютанта Лонгинова.

ное положеніе, обратился къ окружающимъ и сказалъ: „*стыдно такъ умирать; поидемъ впередъ и умремъ какъ слѣдуетъ*“.— „Къ сожалѣнію, кромѣ меня—прошептавъ я—потому что я не могу встать.“ Тутъ только онъ замѣтилъ, что я раненъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, рѣшились остаться на мѣстѣ и ожидать прихода главныхъ силъ.

Въ это время, одинъ казакъ, ходившій подѣ гору напиться, увидалъ трехъ горцевъ, подползавшихъ къ намъ, убилъ одного и, снявъ съ него шапку и ружье, возвратился съ неудовольствіемъ, найдя, что на нихъ нѣтъ ни на монету серебра.

Между тѣмъ, Казъ-Булатъ-Ясеновъ, чрезвычайно меня любившій, держалъ мнѣ такую рѣчь: „Ты не бойся, если тебя убьютъ: я тебя глубоко зарою, а на тебя положу солдата, землю, и опять солдата, такъ что тебя не найдутъ“. Тщетно я разувѣрялъ его, что для меня будетъ все равно, когда меня убьютъ, найдутъ ли меня, или не найдутъ.

Въ такомъ положеніи мы оставались около часу и провели что называется un mauvais quart d'heure. Непріятель не смѣлъ атаковать горсти храбрыхъ открытою силою, вызывалъ насъ въ поле и въ особенности по дорогѣ влѣво, гдѣ въ 1842 году потерпѣлъ генералъ Граббе; но наша дорога была вправо. Все это происходило около деревни *Шуанн* (*).

.. (*) Помѣщаемъ здѣсь разсказъ одного изъ участниковъ даргинской экспедиціи, Г***, о наступленіи нашихъ войскъ отъ с. Урдали къ с. Шуанн:» Завалы еще не были взяты куринцами, когда генералъ-маіоръ Бѣляевскій, съ тремя баталіонами: Апшеронскимъ, Литовскимъ и Люблинскимъ, спустился съ высокаго берега притока Аксая, около дер. Урдали, и направился вправо на долину, чтобы атаковать впереди лежавшій лѣсъ; здѣсь же онъ отдѣлилъ влѣво три роты Апшеронскаго полка и одну Литовскаго, чтобы атаковать съ фланга завалы, противъ которыхъ куринцы шли съ фронта. Затѣмъ у генерала Бѣляевскаго остались: одинъ баталіонъ Люблинскаго полка, 3 роты Литовскаго и одна рота Апшеронскаго. Съ этимъ авангардомъ ему предстояло пройти довольно широкую долину, совершенно открытую, которая обстрѣливалась съ фронта изъ опушки лѣса, а справа изъ огромнаго завала, устроеннаго на хребтѣ горы, перпендикулярной къ притоку Аксая. Дорога сначала шла почти параллельно къ притоку Аксая и потомъ поворачивала влѣво чрезъ ручеекъ, на которомъ былъ мостикъ и за которымъ начиналась поляна; посреди этой поляны шла дорога вверхъ, въ густой лѣсъ; справа находился вышеномлнутый большой завалъ, противъ оконечности котораго была направлена особая колонна (ирванъ цѣвъ) изъ роты Навягинскаго полка, подъ начальствомъ полковника Бибикова. Навягинцы замѣшались, а между тѣмъ, генералъ-маіоръ Бѣляевскій, съ своими двумя баталіонами, пробѣжалъ долину и възлѣ опушки лѣса, при чемъ потерялъ очень много людей отъ фланговаго огня съ завала. Главнокомандующій, графъ Воронцовъ, при которомъ я находился, оставался въ это время на правомъ берегу притока Аксая, при батареяхъ у дер. Урдали, обстрѣливавшей

„Идутъ! идутъ!“ чуть не всѣ закричали вдругъ. Прибывшее орудіе стало за переднимъ заваломъ. и, послѣ трехъ выстрѣловъ, горцы скрылись.

За ними двинулась пѣхота.

Я сѣлъ верхомъ. Отъ потери крови, мнѣ было тошно. Увидавъ какого-то доктора, я ему сказалъ о своемъ положеніи. Онъ меня спросилъ:

противолежащую высоту, на которую поднимались куринцы. Не получая долго никакого донесенія изъ авангарда, съ которымъ онъ для этой цѣли отправилъ своего адъютанта Лонгинова, графъ Воронцовъ послалъ меня въ авангардъ съ приказаніемъ дойти съ нимъ до поляны и, остановивъ тамъ войска, вернуться немедленно съ донесеніемъ. Согласно приказанію, я спустился съ горы и поскакалъ по дорогѣ, пройденной авангардомъ. На ручейкѣ, у мостика, я увидѣлъ недалеко генерала Лидерса съ саперами. Генераль Лидерсъ закричалъ мнѣ: *«господине офицеръ, пожалуйста сюда»*.—Я спернулъ съ дороги направо и подъѣхалъ къ нему. Генераль Лидерсъ спросилъ, куда я скачу; я доложилъ о данномъ мнѣ порученіи. Генераль Лидерсъ, осыпавшій градомъ пули съ правой запады, сидѣлъ спокойно на лошади и приказывалъ горнцету играть сигналъ: *«правая цѣль впереди»*, для того, чтобъ авангирцы скорѣе заняли запады. Я поѣхалъ далѣе по полянѣ, по которой лежало множество убитыхъ и раненыхъ, въѣхалъ въ лѣсъ и скорѣй догналъ генерала Бѣлявскаго. Ожидая пойти весь авангардъ, я увидѣлъ только горсть люблинцевъ, впереди которыхъ ѣхалъ самъ Бѣлявскій, а рядомъ съ нимъ адъютантъ графа Воронцова Лонгиновъ. Я зналъ Бѣлявскаго еще съ дѣтства, когда онъ служилъ въ 1.-го Волынскаго полку и бывалъ въ домѣ моего отца. Я подъѣхалъ къ нему и, доложивъ о порученіи, сказалъ: «Константиѣ Яковлевичъ, гдѣ панъ авангардъ?» Онъ мнѣ въ отвѣтъ: «за мною».—Я замѣтилъ, что, проѣзжая къ нему, я не видалъ ни одной роты и что только раненые да убитые лежатъ вдоль дороги. «Вмѣ, вѣроятно, ѣхали по другой дорогѣ и не видали моихъ ротъ: онѣ находятся правѣе.»(*) Я подумалъ, что дѣйствительно ошибся, и, присоединившись къ охотникамъ Бѣлявскаго, слѣдовалъ съ ними далѣе. Съ удовольствіемъ слушалъ я пѣніе ихъ: «Мы герои, дѣти славы, дѣти бѣлаго царя!» Бѣлявскій обратился ко мнѣ и сказалъ: «Вся бригада моя такъ поетъ; это заставляетъ ихъ ходить въ ногу».—Такимъ порядкомъ пессело подвигались мы впередъ. Пули свистали кругомъ. Лонгиновъ, не видя конца лѣсу, хотѣлъ поротиться къ главнокомандующему; но я посовѣтовалъ ему доѣхать до ожидаемой поляны и отправиться къ графу Воронцову вмѣстѣ. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и заткнулъ нѣмю, вмѣстѣ съ охотниками. Другъ раздался сильный выстрѣлъ: я очутился нѣтъ. Мнѣ показалось, что меня ударили палькою въ правую руку. Вскорѣ я опомнился. На дорогѣ лежали убитые и раненые; самъ я былъ раненъ въ правую руку, и лошадь моя лежала съ разбитою ногою. Я бросилъ ее и послѣдовалъ впередъ за войсками, которые уже успѣли занять опушку лѣса и завалы. Тутъ увидѣлъ я наконецъ поляну, которая спускалась къ притокѣ Аксака, гдѣ лежалъ дер Шушунъ. Впереди, на томъ же хребтѣ, по которому мы шли, въ 200 шагахъ былъ другой огромный запады, занятый горцами. Оттуда насъ сильно обстрѣливали; слѣва изъ лѣса также стрѣляли; наконецъ, дорога, по которой мы слѣдовали, въ тылу у насъ также была занята

(*) Авангардъ или часть его была сворочена съ дороги безъ вѣдома Бѣлявскаго и направлена на первый запады со стороны лѣса. Этотъ запады, о которомъ было сказано выше, былъ атакованъ съ одной оконечности лаванцами, съ фронта саперами, а съ другой оконечности люблинцами и литовцами изъ авангарда.

— Вы пьете водку?

— Никогда.

— Такъ выпейте — сказалъ онъ мнѣ — подавалъ свою фляжку, и вылечилъ.

Когда, чрезъ оставленный нами лѣсъ, потянулись выюги и раненые, горцы, бросившись на дорогу, убили нѣкоторыхъ раненыхъ, въ томъ числѣ подполковника Завадьевского. Конно-

горцами. Положеніе наше было самое критическое: горы были пополамъ. Я думалъ было вернуться къ главнокомандующему и донести о томъ, что авангардъ Бѣлявскаго планъ, лучше сказать, горсть людей дошла до поляны, но пѣшкомъ идти было далеко; къ тому же сообщеніе было прервано. Въ это время подѣхалъ къ намъ генералъ Лидерсъ, слѣзъ съ лошади, подошелъ къ генералу Бѣлявскому и сказалъ, что надо, во что бы то ни стало, взять большой завалъ. Бѣлявскій что-то возражалъ. Произошелъ горячій споръ. Генералъ Лидерсъ, убѣдившись, что съ такою горстю людей нельзя было идти далѣе, а можно было только держаться въ завалѣ, слѣзъ на коня и поѣхалъ въ лѣсъ обратно, чтобы собрать разбѣланныя части авангарда. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы, вмѣстѣ съ коноводъ генерала Лидерса, пробраться назадъ и донести главнокомандующему о положеніи дѣла. Добывъ себѣ лошадей, я поѣхалъ вслѣдъ за свитою; но едва успѣли мы отъѣхать шаговъ тридцать отъ завала, какъ были истрѣблены градомъ пуль. Графъ де-Бальменъ былъ убитъ; Лонгиновъ и многіе другіе ранены. Лѣсъ былъ сильно занятъ горцами; они съ простою бросились на насъ и хватали лошадей за уздцы. Мы вернулись назадъ и снова слѣзали съ лошадей. Окруженные со всѣхъ сторонъ, мы ждали нападенія горцевъ. Положеніе генерала Лидерса было самое отчаянное. Онъ желалъ смерти. Обратясь къ своей свитѣ, онъ сказалъ по-французски: *«allons, messieurs, montez!»* Ординарецъ его, молодой грузинъ, всталъ впередъ его, поднялъ руки и не пустилъ; флигель-адъютантъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ и я уговаривали генерала Лидерса остаться на мѣстѣ. Такое безвыходное положеніе продолжалось долго. Въ это время графъ Строгоновъ, увидѣвъ, что изъ руки моей течетъ кровь, взялъ платокъ и перевязалъ мнѣ рану поверхъ шюртука; о настоящей перевязкѣ и думать было нечего.

Послѣ долгихъ ожиданій, графъ Воронцовъ, не получая никакого донесенія изъ авангарда, двинулся самъ съ войсками въ лѣсъ. Рота Апшеронскаго полка очистила дорогу отъ горцевъ и пришла къ намъ на помощь съ горными орудіями. Какъ только я увидѣлъ, что войска идутъ къ намъ въ подкрѣпленіе, я понесъ пѣшкомъ къ нимъ на истрѣчу и, пропустивъ апшеронцевъ, направился далѣе: въ лѣсу были кучки нашихъ и горцевъ, выюги, раненые и дѣтиски. Все это перемѣшалось. Вдали шелъ пѣшкомъ графъ Воронцовъ, спокойный, невозмутимый, окруженный большою свитою. Не дойдя еще до него, я услышалъ снова крикъ горцевъ, которые бросились на свиту главнокомандующаго. Къ счастью, подошла рота и отразила горцевъ. Я встрѣтилъ графа Воронцова съ обмороженнымъ плечомъ въ самую критическую минуту. Нельзя было налюбоваться величественною фигурою этого героя. Его хладнокровіе, его спокойствіе внушали столько довѣрія, что никто не думалъ объ опасности. Я доложилъ ему обо всемъ происшедшемъ. Когда мы вышли на поляну, то верхній завалъ уже былъ взятъ и на полянѣ столпилось масса людей всѣхъ полковъ. Графъ Воронцовъ приказалъ привести все въ порядокъ, и, послѣ нѣкотораго отдыха, мы двинулись далѣе прямо чрезъ Шуанскій ручеекъ, на такую высоту у каждаго, гдѣ вновь остановились. Здѣсь докторъ перошлалъ мнѣ рану....

Ред.

гвардеецъ, штабсъ-ротмистръ баронъ Шепингъ, бросаясь защищать графа Бенкендорфа, съ котораго горцы успѣли стащить платье и дать четыре раны шашкой и одну кинжаломъ. Баронъ Шепингъ рассказывалъ, что онъ самъ не помнитъ, какъ махалъ шашкой, и не чувствовалъ полученныхъ имъ трехъ ранъ; но ему удалось спасти Бенкендорфа. Замѣчательно, что этотъ случай и оригинальное кровопусканіе спасли жизнь графа: у него начиналось воспаленіе, потеря же крови уменьшила его.

Чтобы имѣть хорошій ночлегъ близъ воды, надо было пройти еще два оврага. Непріятель отсюда бѣжалъ, и мы заняли высоты безпрепятственно. Солдаты, всходя на нихъ, бросали кверху оуражки.

Мы сдѣлали въ этотъ день только 12 верстъ, а пришли на ночлегъ поздно вечеромъ и расположились у *Исса-Юрта*. Полевые орудія пришли только утромъ.

Шамиль упрекалъ набовъ, что они не исполнили обѣщанія: пропустили русскихъ.

Поздно вечеромъ мнѣ сдѣлали перевязку. Слуга мой возвратился съ поликишей головой: у него въ лѣсу отбили и лошадь и шкатулку.

Потери 13-го числа, при выступленіи изъ Дарго, была велика, вмѣстѣ же съ 14-мъ она составляла: убитыми: 1 штабъ-офицеръ, 6 оберъ-офицеровъ и 77 нижнихъ чиновъ; ранеными: 4 штабъ-офицера, 15 оберъ-офицеровъ и 220 нижнихъ чиновъ. Всего вышло изъ строя: 26 офицеровъ и 297 нижнихъ чиновъ (*).

Въ слѣдующіе дни я уже былъ вольный казалъ и ѣхалъ гдѣ мнѣ вздумается. Одно только было непріятно: я былъ въ постоянной зависимости, не будучи въ состояніи безъ посторонней помощи ни сѣсть на лошадь, ни слѣзть.

15-го числа мы слѣдовали по довольно открытой мѣстности; только влѣво находились лѣсистыя возвышенности, съ которыхъ стрѣлялъ непріятель, но вскорѣ былъ оттуда прогнанъ цѣпью пѣхоты съ милиціею.

Грузины, при малѣйшемъ кригѣ, скакали какъ сумасшедшіе

(*) Въ «Обзорѣ» потери означены: *убитыми*: 7 штабъ и оберъ-офицеровъ и 70 нижнихъ чиновъ; *ранеными*: 19 штабъ и оберъ-офицеровъ и 220 нижнихъ чиновъ; *контузены*: 5 штабъ и оберъ-офицеровъ и 41 нижнихъ чиновъ; кромѣ того 7 человѣкъ нижнихъ чиновъ пропали безъ вѣсти. Стр. 61—63. *Ред.*

и бередили мнѣ ногу. Полковникъ Дружининъ, ѣхавшій со мной, совсѣмъ уже былъ готовъ стрѣлять въ нихъ, чтобы спасти меня отъ натиска.

Графъ Воронцовъ, находилъ, что раненымъ трудно было двигаться и что войска устали послѣ вчерашняго труднаго перехода съ боемъ, приказалъ черезъ 5 верстъ остановиться на ночлегъ у аула *Аллерол*.

Когда у Лабинцева спрашивали на военномъ совѣтѣ въ Дарго, по которой дорогѣ лучше будетъ идти отряду, онъ отвѣчалъ: „Дойдемъ по всякой, если только пойдемъ не торопясь“. Нѣкоторые изъ наибовъ клялись Шамилю, что 16-го числа они не выпустятъ русскихъ.

На этомъ довольно большомъ переходѣ было всего довольно: и густыхъ лѣсовъ съ завалами поперекъ дороги, и овраговъ съ завалами съ боку и на противоположномъ берегу. Опять авангардъ бралъ завалы и, переходя овраги, отдѣлялся отъ главныхъ силъ; опять досталось саперамъ, которые должны были чинить испорченный мостикъ. Было одно время, что отрядъ пріостановился. Послали въ аріергардъ за ротой Кабардинскаго полка Графъ Воронцовъ взялъ нѣсколько ротъ, находившихся подъ рукой, чтобы возстановить сообщеніе съ авангардомъ, но не возстановилъ его, а только догналъ съ ними авангардъ, подвергаясь большой опасности, при чемъ были ранены его адъютанты Глѣбовъ и князь Васильчиковъ.

Наконецъ, усиленнымъ натискомъ пришедшей роты кабардинцевъ и другихъ, лѣвый завалъ былъ взятъ и свободное движеніе возстановлено. Аріергардъ, отступая въ большомъ порядкѣ, выдерживалъ отчаянные натиски Шуаибъ-муллы. Отступленіе производилось перекатною цѣпью. Разъ, когда одна рота оставлена была для прикрытія мостика, Шуаибъ-мулла, съ прочими знатными горцами, впереди огромной толпы, бросился на роту, чтобы истребить ее. Но за ротой скрытно былъ поставленъ резервъ: съ помощію его, рота выдержала нападеніе, и Шуаибъ-мулла съ прочими знатными горцами погибли на штыкахъ храбрыхъ кабардинцевъ.

Дойдя до *Шамхалъ-Берды* (Шаухалъ-Берды), отрядъ расположился на бивуакахъ. Здѣсь мы нашли на поляхъ много не снятой кукурузы и пшеницы, что было весьма кстати, ибо солдаты давно уже не видали хлѣба.

Послѣ того, какъ меня ранили, я по какому-то праву поскакалъ за супомъ на кухню графа Воронцова; кромѣ того мнѣ подарили нѣсколько патроновъ съ хлѣбными крошками, которые я по одному высыпалъ въ тарелку.

15-го числа, въ продолженіе нашего пятиверстнаго перехода, мы почти не имѣли потерь (*); 16-го же понесли довольно значительную. Въ оба дня было убитыхъ: оберъ-офицера 2, нижнихъ чиновъ 120, раненыхъ: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 13, нижнихъ чиновъ 350; а всего вышло изъ строя: офицеровъ 19, нижнихъ чиновъ 470. (**)

Графъ Воронцовъ, видя большую потерю и утомленіе раненыхъ, рѣшился при Шамхалъ-Берды ожидать прибытія генерала Фрейтага, къ которому было послано нѣсколько записокъ съ приказаніемъ слѣдовать къ Шамхалъ-Берды.

Сначала мнѣ разбили палатку близъ палатки графа Воронцова; но Шамиль, поставивъ на горѣ три орудія, преимущественно стрѣлялъ по нашимъ палаткамъ. Тогда Артуръ Адимовичъ Непокойчицкій предложилъ мнѣ перемѣнить мѣсто. „Я вамъ всю разбить палатку подлѣ палатки начальника артиллеріи, генерала Козляникова. Онъ, какъ артиллеристъ, долженъ знать, куда ядра не попадаютъ.“ Но и тамъ насъ беспокоили, особенно когда сзади того мѣста, гдѣ мы расположились, поставили музыку. Песенники пѣли во всемъ отрядѣ. Эта меломанія чрезвычайно сердила Шамиля. „Не знаютъ, будутъ ли завтра живы, а поютъ,“ говорилъ онъ. Шамиль, постепенно поворачивая орудія, обстрѣливалъ весь лагерь. Майоръ Ка.... этого не замѣтилъ и, когда ядро упало подлѣ него, отошелъ. Опять ядро падаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ; онъ снова отходить, а ядра все за нимъ. Совершивъ такимъ порядкомъ три раза путешествіе вокругъ лагеря, онъ въ изнеможеніи бросился на землю и произнесъ: „Уоъ, усталъ! Да почему же въ Шамиль все въ меня цѣлитъ?...“

Около моей постели всегда собиралось большое общество

(*) При атакѣ сильной позиціи, занятой горцами впереди аула *Алгерой*, мы потеряли убитыми: 15 нижнихъ чиновъ; ранеными: 3 оберъ-офицера и 44 нижнихъ чиновъ; 19 нижнихъ чиновъ контужеными и одного пропавшаго безъ вѣсти.

Ред.

(**) Потеря: обоимъ дней была: убитыхъ: 2 офицера и 422 нижнихъ чиновъ; раненыхъ: 17 штабъ и оберъ-офицеровъ и 350 нижнихъ чиновъ; контужены: 2 офицера и 69 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшихъ: 16 нижнихъ чиновъ. См. «Обзоръ» стр. 66, 67 и 70.

Ред.

изъ разныхъ штабовъ; часто бывалъ и Щербининъ (нынѣ сенаторъ), статскій, который никакъ не могъ себѣ простить своего желанія посмотрѣть на экспедицію и всегда прибавлялъ: „васъ убьютъ, вамъ такъ и слѣдуетъ; а про меня скажутъ: дуракъ“.

Отъ Фрейтага не было никакого извѣстія; между тѣмъ, у солдатъ не стало уже сухарей; патроновъ въ запасѣ было весьма мало. Рѣшено было прождать еще 18-е число и если Фрейтагъ не придетъ, то на слѣдующій день двинуться впередъ. Непріятель сильно занималъ фронтальный и боковые завалы. Предстояло атаковать ихъ или, правильнѣе выразиться, пробиться сквозь массы горцевъ. Главною цѣлю было спасти главнокомандующаго. Но къ вечеру 18-го числа показался отрядъ: это были войска Фрейтага. Такъ какъ они шли безъ мундировъ, въ рубашкахъ, то настроенное воображеніе нѣкоторыхъ хотѣло въ нихъ видѣть бѣлыхъ мюрядовъ. Фрейтагъ велъ къ намъ 8 баталіоновъ съ 12 орудіями и пришелъ чрезвычайно быстро. (*)

19-го, утромъ, мы слышали сильную канонаду: генералъ Фрейтагъ обстрѣливалъ правый берегъ Аксая и непріятельскіе завалы; остановился отъ насъ верстахъ въ трехъ, за большимъ лѣсистымъ оврагомъ.

Войска изъ Шамхалъ-Верды двинулись навстрѣчу, имѣя впереди авангарды раненыхъ. Хотя эта команда, достигшая до 1,500 человекъ, а съ несущими и болѣе, была ввѣрена походному атаману, который заботился о нихъ весьма добросовѣстно и выказалъ при этомъ истинно-христіанское человѣколюбіе, но какъ, по самому составу ея, въ ней невозможно было водворить дисциплину, то близость отряда Фрейтага побудила ее поскорѣй броситься впередъ, такъ что удержать не было никакой возможности. Но за это очень ловко взялся Шамиль.

Слѣдъ былъ огромный завалъ, который открылъ вдругъ по раненымъ сильный огонь; что заставило поскорѣе слѣзть съ лошадей тѣхъ, кто ѣхалъ верхомъ; и вообще всѣхъ остановиться и спрятаться за деревья. Съ праваго берега Аксая насъ тоже не щадили.

Себя я дефиліровать со всѣхъ сторонъ; но бѣдная лошадь моя только оцарапала отъ свиста пуль и стука ихъ въ деревья.

(*) Фрейтагъ пришелъ съ собою 7½ баталіоновъ пѣхоты, 3 казачьи сотни и 12 орудій. См. «Обзоръ», стр. 74 и 72.

Она была на виду и, по словамъ осетинновъ, обязана своимъ спасеніемъ амулету, который имѣла на шеѣ.

Раненый командиръ Навагинскаго полка, Бибииковъ, былъ прикрытъ отъ солнца бѣлымъ балдахинномъ. Это послужило горцамъ цѣлю, и онъ былъ убитъ.

Между тѣмъ, генералъ Бѣлявскій, расточая намъ упрёки за беспорядокъ, обогналъ насъ съ 1-мъ баталіономъ Литовскаго полка, саперами, стрѣлками и милиціей.

Взаимнымъ дѣйствіемъ нашимъ и отряда Фрейтага, завалы были взяты, при чемъ тяжело ранены: генеральнаго штаба капитанъ Прушановскій, замѣнившій меня въ авангардѣ, и гвардіи поручикъ Козлинниновъ. (*)

Отряды соединились съ крикомъ „ура!“ Воронцовъ подалъ Фрейтагу руку и, обратясь къ войскамъ, сказалъ: „Кричите „ура“ вашему избавителю!“

Пришедшія войска были въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ здоровыми лицами, съ блестящимъ оружіемъ; наши же худыя, блѣдныя, больныя, грязныя, оборванныя и съ заржавленными ружьями. Отрядъ генерала Фрейтага расположился такимъ образомъ, чтобы наши войска могли пройти черезъ него.

Въ авангардѣ у Фрейтага были нашего 5-го корпуса: два модлинскихъ и два пражскихъ баталіона. Предъ каждымъ изъ баталіонныхъ командировъ была разложена обильная закуска: они знали о нашемъ голодѣ. Сначала мы искося на нее поглядывали, но когда насъ пригласили, то мы такъ прилежно занялись ею, что насъ спрашивали: „А вы давно не ѣли?“ „Да ужь давно—отвѣчали мы жалобно—дней шесть!“ „Пожалуйста, больше не кушайте: намъ не жаль, а вы себѣ вредъ сдѣлаете.“

Мы ночевали у *Миската*. Съ непріятелемъ распрощались; но насъ тревожилъ сильный дождь. У меня замочили на перевязкѣ бинты, и я былъ въ печальномъ положеніи. Михаилъ Ивановичъ Дараганъ досталъ мнѣ гдѣ-то стаканъ чаю.

На другой день, 20-го числа, на правахъ раненыхъ, мы ушли впередъ въ Герзель-аулъ. Комендантъ накормилъ насъ обѣдомъ, который показался намъ такимъ вкуснымъ, что, конечно, ни прежде, ни послѣ такого мы не видали.

Въ продолженіе всего движенія въ Герзель-аулъ изъ Дарго

(*) Убитъ, въ сраженіи Польскомъ, въ январѣ 1863 г.

(съ 13-го по 23-е іюля), мы потеряли: *убитыми*: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 280; ранеными: штабъ-офицеровъ 9, оберъ-офицеровъ 36, рядовыхъ 740 (*). Всего же вышло изъ строя: офицеровъ 57 и нижнихъ чиновъ 1,020.

Такъ кончилась знаменитая даргинская экспедиція. Она оставила по себѣ славныя воспоминанія, несмотря на неудачный исходъ, на который, при оцѣнкѣ ея, надо обращать наименѣе вниманія, ибо будучи, по существу своему, огромной ошибкой, она другаго исхода и не могла имѣть. Громкая слава ея зависитъ отъ непреодолимыхъ трудностей, побѣжденныхъ войсками, поставленными всѣми обстоятельствами въ положеніе, которое, не преувеличивая, можно назвать отчаяннымъ: безъ нищи, безъ патроновъ и снарядовъ, обремененныя ранеными, окруженныя со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріателемъ, они не потеряли бодрости и вышли изъ него съ честію.

Врожденная доблесть русскаго солдата: не падать духомъ при неудачѣ, много помогла столь счастливому исходу; но неоспоримо способствовали тому высокія достоинства и опытность начальниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ князь Воронцовъ.

Даргинская экспедиція имѣетъ обаяніе славы, и теперь, двадцать лѣтъ спустя, даже послѣ Севастополя, всякій участвовавшій въ ней произнесетъ съ нѣкоторою гордостію: *и я былъ въ Дарго!*

Примѣчаніе. Выражая мою искреннюю признательность его высокопревосходительству Сергѣю Дмитріевичу Безобразову за многія замѣчанія, сдѣланныя имъ при прочтеніи моихъ воспоминаній и введенныя мною въ текстъ, прошу великодушнаго извиненія, что я не воспользовался слѣдующею замѣткой по поводу сухарной экспедиціи: „Справедливо, но я остался бы въ

(*) Потери эта въ «Обзорѣ» показана: *убитыми*: 2 штабъ и 10 оберъ-офицеровъ и 282 нижнихъ чина; ранеными: 9 штабъ и 36 оберъ-офицеровъ и 733 нижнихъ чиновъ; пропавшихъ безъ вѣсти: 40 человекъ; контуженныхъ: 2 штабъ и 9 оберъ-офицеровъ и 132 нижнихъ чина. См. стр. 73.

покоя тѣнь доблестнаго начальника". Мнѣ казалось, что военное значеніе князя Воронцова, еще въ молодости своей выходявшаго съ торжествомъ изъ столкновенія съ лучшими войсками въ мірѣ, столь прочно и громко, что нѣкоторые ошибки, покрайней мѣрѣ намъ казавшіяся таковыми, не могутъ затемнить его славы и что, несмотря на нихъ, Дарго прибавило новый лучъ къ ея ореолу.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ ДЕЛЬВИГЪ.

Рѣдизинскѣ. 19-го марта 1864 года.

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ. Ф. Смита. Переведено съ нѣмецкаго гвардіи капитаномъ Квитницкимъ. Т. III. С.-Петербургъ. 1864 г.

Третій томъ сочиненія Ф. Смита, переведеннаго капитаномъ Квитницкимъ, по объему своему, а главное по богатству содержанія, превосходитъ оба первые тома. Дѣйствительно, этотъ томъ заключаетъ въ себѣ исторію польской войны въ тотъ именно періодъ, когда она, съ прибытіемъ къ русской арміи фельдмаршала Паскевича, получила опредѣленный и рѣзко очерченный характеръ.

Въ первый періодъ войны, при фельдмаршалѣ Дибичѣ, были составляемы прекрасные планы для дѣйствій русской арміи, имѣлись значительныя средства для подавленія возстанія, но и противникъ былъ еще силенъ, предприимчивъ, энергиченъ; онъ неоднократно разстраивалъ планы русскаго главнокомандующаго и ставилъ въ зависимость отъ своихъ дѣйствій дѣйствія русской арміи. Отъ этого въ первый періодъ